

В Л А Д И М И Р
П Р А С О Л О В

К Л А С С И К А Х Х I В Е К А

п о С л е д у
« А Н Е Н Е Р Б Е »

В А Н Г О Л

Р О М А Н

В А Н Г О Л

О Т А В Т О Р А Б Е С Т С Е Л Л Е Р А « В А Н Г О Л »

Вангол

Владимир Прасолов

По следу «Аненербе». Вангол-3

«Центрполиграф»

2016

УДК 82-311.6
ББК 84(2)-44

Прасолов В. Г.

По следу «Аненербе». Вангол-3 / В. Г. Прасолов —
«Центрполиграф», 2016 — (Вангол)

ISBN 978-5-227-06674-9

В этой книге читатель узнает, как в дальнейшем сложилась невероятная судьба Вангола, человека с удивительными, сверхъестественными способностями. Ставший военным разведчиком, Вангол вместе с приданным ему спецподразделением «Северный ветер» делает шаг в неизведанное, исследуя таинственные внутриземные миры, обнаруженные в гигантских полостях планеты в русском Приполярье. Часть его группы внедрена в научный комплекс «Аненербе» в Антарктиде, где секретные лаборатории Новой Швабии культивируют новую совершенную расу, где создается сверхмощное оружие, обладая которым Германия сможет покорить весь мир. Понимая опасность зловещих планов врага, советское командование направляет Вангола и его людей в очередную полную смертельных рисков экспедицию на самый край земли. Рассказанное автором в этой части романа основано на древних легендах и преданиях и, что важно, подтверждено многочисленными реальными фактами и событиями современности.

УДК 82-311.6

ББК 84(2)-44

ISBN 978-5-227-06674-9

© Прасолов В. Г., 2016
© Центрполиграф, 2016

Владимир Георгиевич Прасолов

По следу «Аненербе». Вангол-3

© Прасолов В.Г., текст, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Вместо пролога

Северный ветер во все времена года или освежает, или пронизывает холодом до мозга костей. Он вообще не бывает расслабляюще-теплым, особенно здесь, в Сибири, крае земли, ничем не прикрытом от великого ледовитого океана, распахнутом перед всеми его капризами, отдающем ему, как драгоценную дань, серебряные воды тысяч рек. И оттого самоочищающимся и живородящем. Суровый и чарующий своей первозданной красотой, он принимает только чистых душой и оставляет их в себе навсегда. Люди, волей или неволей попавшие в эти края, оставались в них надолго, а чаще – насовсем, не в силах оторвать себя от энергии чистоты и простора, воли и безмятежного величия мира загадочной земли. Так уж случилось в России, в минувшее столетие большая часть людей попадала туда не по своей воле. Совсем юным этапом политических заключенных попал туда и Иван Голышев. Те двадцать лет, срок наказания, назначенный судом, перечеркнули его жизнь раз и навсегда. Ту жизнь, в которой он, комсомолец, бригадир, беззаветно веря в торжество идей социализма, ударным трудом выполнял и перевыполнял трудовые нормы, выдавая на-гора десятки тонн черного золота. И в которой вдруг для него не стало места... Случай спас его от верной смерти, во время побега, в тайге, а может быть, правду говорят, что случайностей не бывает. Может быть, по велению Духов тайги, старый охотник Такдыган нашел в тайге замерзавшего беглого зэка. Он вернул его уходящую с этого света душу и дал ему новое имя в новой жизни. То, что он смог услышать из уст умиравшего. «Иван Голышев», – прошептал тот заиндевелившими губами. Вангол так Вангол, согласился старик.

Орочоны, немногочисленный эвенкийский род, в семью которого попал Голышев, выходили его и приняли к себе как сына. Ошана, дочь Такдыгана, отдала ему в жены свою старшую дочь Тингу. Старый охотник Такдыган передал свои знания и в святом месте силы посвятил в тайны Духов тайги. Вангол принял новое имя и новую жизнь, он ощутил в себе ранее неведомые способности. Он как бы просто вспоминал их...

Шли годы, Вангол набирался сил и радовал Такдыгана своими успехами. Все было хорошо и ничего не предвещало беды. Но навеки оставленный, казалось, жестокий мир уже вторгся в этот, таежный, и от него даже в здешней глухомани укрыться не удалось. Ванголу пришлось выйти из тайги. Встреча с людьми – научной экспедицией из Иркутска – дала ему возможность воспользоваться документами одного из участников экспедиции Игоря Сергеева. Студент был тяжело ранен и потерял память. Вангол, теперь уже под именем Игоря Сергеева, появляется в Иркутске. По направлению, подготовленному для него же, Игоря Сергеева, Вангол едет учиться в Москву в Высшую школу разведки РККА. Война для него началась в спецшколе Разведуправления, куда он попал в числе лучших выпускников разведшколы. В первые же дни войны с Германией, в составе разведгруппы «Ветер», он был заброшен в прифронтовую полосу для борьбы с диверсионными группами противника. Вот там и свела его судьба второй раз со Степаном Макушевым, капитаном НКВД, бывшим начальником того конвоя, из которого он когда-то совершил побег, и с Владимиром Арефьевым, лейтенантом Московского уголовного розыска, родственником Макушева. Там же он выходит на след банды уголовного Остапа, убийцы его жены и человека, завладевшего секретным архивом лагерных сексотов.

Содержащее огромную информацию досье представляло большой интерес как для уголовников и советских оперативников, так и для немецкой разведки.

Преследуя по пятам через всю страну банду Остапа, Вангол и его друзья попадают в Забайкалье, в места непроходимой тайги, болот и марей. Там, на скалистом берегу безвестной реки, в пещере, куда так стремился попасть Остап, чтобы завладеть хранящимся в ней со времен Гражданской войны золотом, происходит развязка. Остап и его подручные убиты. Архив «грешных душ», найденный при Остапе, уничтожен... Вангол и его друзья вышли на стойбище Ошаны, чтобы сообщить ей о гибели старого Такдыгана. Шла война, здесь они выполнили свою задачу и понимали – их место там...

Возвращение из тайги оказалось непростым. Помогая раскрыть замыслы и обезвредить банду заключенных, пытавшихся совершить побег из эшелона, Вангол случайно спасает жизнь одному из них. Как оказалось, немецкому ученому, еще до начала войны участвовавшему в секретной экспедиции в нашем Заполярье. Эта экспедиция была организована и совершена, втайне от правительства СССР, немецкими спецслужбами из «Аненербе», так кратко называлось основанное в Германии в 1935 году «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». С декабря 1941 года оно работало уже полностью под крылом СС. Гюнтер Миттель был немцем российского происхождения. Информация, полученная от него, оказалась настолько важной, что Вангол, приехав в Москву, через свое руководство добился встречи с Берией. После этой встречи, результаты которой произвели на генерального комиссара сильное впечатление, было организовано сверхсекретное подразделение, получившее название «Северный ветер».

Основной задачей этого подразделения госбезопасности было определено всяческое противодействие работе вражеской организации, работавшей под эгидой СС, – «Аненербе», борьба с ее агентурой в СССР и в других уголках мира.

Вангол, пользуясь неограниченными полномочиями при формировании своего подразделения, смог собрать в него уже воевавших в это время на фронте под Москвой капитана Макушева и лейтенанта Арефьева. Освободить из-под стражи арестованных профессора Пучинского и его жену Нину. По его просьбе был разыскан среди призывников и направлен под его командование и бывший студент Пучинского Владимир Осокин. Все они составили основное ядро группы «Северный ветер» под руководством опытного разведчика Ивана Ивановича Краскова. Командиром подразделения был назначен получивший внеочередное звание капитана Вангол. Также в группу вошла Ольга, девушка, фотография которой, случайно оказавшись в руках Вангола, вдруг определила его дальнейшую личную жизнь. Они, втайне от руководства, сыграли свадьбу перед самым началом секретных разведопераций, разлучивших их, разбросавших по земле, может быть надолго, а может и навсегда. Этого никто тогда не знал.

Северный ветер поземкой заносит едва видимые следы былого, навсегда хороня их в прошлом, очищая пространства для будущего, стремительно летящего вперед, неизвестного и манящего...

* * *

Если свежее испеченной, хорошо бы, еще горячей булкой хлеба крепко ударить по деревянному лотку во время укладки, с нее обязательно посыплются частички лопнувшей хрустящей корочки. Эти ароматные хлебнычки, накапливаясь за целый день развозки буханок в конном возке хлебопекарни, были главным, ради чего трудилась Аграфена Фетисова. Получив в августе сорок первого похоронку на мужа, она поняла, что надеяться больше не на кого. Потому трудилась за двоих. Она развозила хлеб, сама грузила и разгружала возок по несколько раз в день. В конце рабочего дня, осторожно сметая просыпавшиеся хлебные крошки в свой платок, она радовалась, когда этих крошек было две или три пригоршни. С замиранием сердца

проходила она через проходную, вынося их домой, в маленький домишко на окраине Красноярска, где ее ждали четверо голодных детских ртов и мать, почти слепая и немощная старушка. Однажды на проходной ее остановили. Начальник охраны, крепко взяв ее за локоть, твердо сказал:

– Пройдемте в комнату досмотра, гражданка Фетисова. Пройдемте...

Как будто что-то оторвалось в груди у Аграфены. Ноги подкосились, и она, теряя равновесие, повалилась на сторону, увлекая за собой и начальника охраны, шуплого мужика с птичьим лицом. Подскочивший дежурный вовремя подхватил Аграфену и не дал им упасть. После стакана воды для приведения в чувство и тщательного досмотра был составлен протокол о совершении хищения социалистической собственности в условиях военного времени в виде ста двадцати граммов хлебной крошки. В конце сорок второго года Аграфена, осужденная за систематические хищения хлеба на три года лишения свободы, была отправлена в лагерь. На суде она признала, что несколько месяцев каждый день уносила домой крошки хлеба из возка...

– Курица по зернышку клюет... – заключил прокурор, требуя лишения свободы расхитительнице социалистической собственности.

Ее мать умерла сразу после суда. Четверых детей органы социальной защиты определили в детский дом. Старший, Семка, сбежал оттуда на следующий день и навсегда сгинул, наверное пополнив армию беспризорников и малолеток, рвущихся на фронт. Двое младших весной умерли от тифа. А семилетняя девочка Катенька тиф перенесла и выжила. Единственное, что она потом всю оставшуюся жизнь помнила о своей маме, – это ее теплые ладони, с которых можно было губами и языком собирать хрустящие хлебные крошки, вдыхая самый вкусный аромат на земле – запах хлеба на материнской руке...

Провал плана молниеносной войны с СССР означал для Гитлера одно – полный крах всей военной кампании, и не только на Востоке, а вообще в целом. То, что он посчитал некогда пропагандистским выпадом против себя лично и соответственно против Великой Германии, оказалось пророчеством. Тот «клоун», который со сцены возвещал о неизбежном поражении вермахта на востоке, оказался прав. Более того, он смог выскользнуть из его рук в Варшаве, где был арестован, и уйти именно в Советский Союз. Там, что было бы для обычного человека невероятно, он был принят и, так сказать, «обласкан» властью, что дало веское основание Гитлеру усомниться в верности предсказаний этого человека; все свидетельствовало о том, что он работал по заданию советской разведки. Но это было не так. Вольф Мессинг, как оказалось, действительно мог видеть будущее...

Да, полный крах, но это не означало необходимости признания им немедленной капитуляции и прекращения военных действий. Он был к этому готов. Все просто пошло по другому сценарию. По другому, но его же, Гитлера, сценарию. Он был политическим деятелем, планировавшим не на какие-нибудь пять-десять лет, нет, он мыслил стратегически, как минимум на пятьдесят – сто лет вперед.

Сейчас Германия была очень сильна. Никто в мире реально не мог противостоять Германии, никто, кроме Советского Союза с его огромными территориями, неисчислимым населением, в большинстве своем готовым к любым тяготам и лишениям, и армией, с точки зрения немецкой разведки почти безоружной и плохо организованной, но умеющей драться до последнего патрона, до последней капли крови.

В столкновении двух политических вождей, Гитлера и Сталина, все, как оказалось, зависело от мелочей. У Гитлера был единственный шанс победить Сталина – ударить внезапно, разбить ослабленные репрессиями и реорганизацией армии противника еще в приграничных округах, что ему практически удалось, и стремительным рывком танковых армий захватить и уничтожить сердце этой страны, столицу, город Москву. Обезглавить, тем самым разрушить руководство теми остатками армий, которые еще, возможно, и продолжали бы некоторое время

сопротивляться на второстепенных, по его мнению, участках фронтов и в окружении. И он был на расстоянии выстрела от цели, но Сталин в эти критические дни Москву не оставил, и те «братья и сестры», к которым он обратился в начале войны, совершили чудо. Российский народ должен был с радостью помочь германскому вермахту сбросить с себя коммунистический гнет, а он шел на смерть со штыками и саперной лопаткой, с криком: «За Родину, за Сталина!»

Это происходило по совершенно необъяснимой причине, понять которую Гитлер был не в состоянии. Какая-то невероятная сила остановила танковые армии на окраинах русской столицы. Какая-то неведомая и непреодолимая стена встала перед вермахтом у стен Москвы. Войск противника практически уже не было, но и сил на последний бросок у наступающих армий не оказалось. То, что должно было произойти, не произошло. Этого не случилось, хотя вождь нации не щадил ни своих, ни тем более чужих. Если захват Франции, Польши и других европейских стран был для него легкой прогулкой, то здесь он шел, что называется, ва-банк, и это он, Адольф Шикльгрубер, фюрер Германии, основатель Третьего рейха Адольф Гитлер, отчетливо понимал. Когда немецкие армии были отброшены от Москвы, он осознал, что просчитался. Увы, обратного хода не было. Лично для него выход был только один – война до победного конца. Уже зимой сорок второго года ему стало ясно, что победа упущена... Несмотря на огромное количество убитых и плененных советских солдат и офицеров, на потерю огромных территорий, Советский Союз выдержал первый, сокрушительный для любой другой страны, удар. Для большинства советских войск не было второстепенных участков фронта; в окружении, без боеприпасов и продовольствия, без связи и надежды на помощь, они продолжали ожесточенно драться, унося жизни солдат вермахта, хороня вместе с ними уверенность в их могуществе и непобедимости.

Гитлер предвидел, что при всей мощи немецкой армии вести боевые действия на вражеской территории, при протяженности линии фронта в несколько тысяч километров, практически без дорог, в условиях русской зимы и не менее ужасных в связи с бездорожьем весны и осени, будет крайне сложно и практически бесперспективно. Он хорошо понимал – чем дальше это будет продолжаться, тем меньше шансов на успех. Но не это стало главным. Он не потерял веры в себя и свою нацию, веры в свою исключительную роль и путь, предначертанный Богом. Наоборот, энергия была через край. Вторая мировая война, развязанная им, изначально была средством достижения определенной цели, а с зимы сорок первого стала еще и ширмой, прикрытием того, что он задумал и что неуклонно осуществлял под покровом непроницаемой тайны. В нее, эту тайну, были посвящены немногие, самые преданные лично ему лица, из числа высшего командного состава СС и элиты общества «Аненербе». Сотни тысяч, миллионы людей должны были погибнуть, обеспечив реализацию его цели. А идея – мечта первого наци – стояла того. Создание нового мира для избранной расы, великой арийской расы, расы господ чистой арийской крови. Вот что было мечтой и целью Гитлера. Изначально этим миром, этим столь необходимым жизненным пространством для немцев должна была стать захваченная Европа, но неудача на Востоке перечеркнула этот план. Зато само Провидение открыло для него и его нации новые возможности в новом, по-настоящему новом мире. Именно это обстоятельство наполняло его бешеной, неиссякаемой энергией. Он принял это как указующий перст. Земля, сокрытая для всего мира, уготована для его народа. Земля чистая, девственная, благодатная – Новая Швабия, она преподнесена была его нации как подарок Богов, бережно переданный мудрецами древнего Тибета. Именно они, тибетские ламы, указали место, где искать вход, именно они дали подсказки к тем открытиям, которые перевернут мир и положат его к ногам немецкой нации. На это нужно время, и его у немцев будет в избытке. Главное, освоить новые земли и создать на них мощную научно-производственную базу. А это немцы умеют, как никакой другой народ.

Новый мир, его создание требуют колоссальных средств, и они будут обеспечены за счет всего того, что можно выжать из этих заселявших землю недочеловеков, возомнивших себя,

по собственному слабоумию, людьми. В отличие от большинства лидеров партии Адольф Гитлер отчетливо понимал, что только одни немцы не могут возродить арийскую расу. Ее придется воссоздавать по крупицам, собирая лучших ее представителей во многих других нациях, в том числе и славянских. Предстоит колоссальная селекционная работа... Для этого нужно продолжать войну и собирать все ценности, рассеянные в странах варваров, они должны принадлежать новому миру, новой, чистой арийской расе. Для этой цели были созданы специальные подразделения СС. В сферу их интересов попало все – от драгоценных камней и металлов в любых изделиях, включая зубные протезы и хирургические вставки, кончая шедеврами мирового искусства всех видов. Все это с немецкой педантичностью учитывалось и изымалось. Отдельно и под особый контроль попадали древние рукописи и артефакты. Эти материалы, под строжайшим надзором СС, передавались специалистам общества «Аненербе» для экспертиз и принятия решений по их дальнейшей судьбе. Все, что веками лежало в музейных хранилищах, монастырских и церковных библиотеках, тщательно изучалось, и то, что представляло, по мнению специалистов общества «Аненербе», особую ценность, подлежало немедленному изъятию. Объемы работ в связи с захватом новых территорий существенно возросли; и перед руководством СС остро встал кадровый вопрос. Фюрер требовал наиболее эффективного выполнения поставленных задач. Качественно и быстро!

Особой заботой фюрера была окружена совершенно секретная программа «Источник жизни». Разбросанные по всей Германии, и не только Германии, специальные родильные дома уже выдавали младенцев чистых арийских кровей. Сотни лучших специалистов уже вели селекционную работу. Велись опыты по выявлению носителей чистой арийской крови. Создавались банки хранения спермы лучших представителей нации. Их потомство необходимо Германии, новой Германии, неуязвимой и могущественной. Именно они должны были стать и будут основным населением Новой Швабии. Именно для них, ради их будущего льется благородная кровь сегодняшних немцев. Эти жертвы священны, они необходимы. Гитлер был фанатически предан своей мечте, при этом действовал прагматично и целеустремленно. Необходимость морской переброски людей и техники требовала установления господства немецкого флота в океане, и это было достигнуто. «Волчьи стаи» немецких подводных лодок обложили Англию плотным кольцом. Подводные лодки – единственное транспортное средство, способное доставить людей и грузы в Новую Швабию. Финансирование и строительство субмарин шло опережающими темпами и находилось под личным контролем фюрера. Экипажи лодок «конвоя фюрера» при формировании проходили через «сито» СС. Подводники – элита нации, от них требовались не только высочайшее профессиональное мастерство и личная преданность идеям национал-социализма, но и безупречная родословная.

– Как же попасть на фронт! Уже везде писал, ходил с рапортами сам – бесполезно. Я же летчик, военный летчик, мне надо там быть! Бить фашиста, а я здесь почту развожу! Да ладно бы только почту, а то вот смех и грех, козу до Назимово отправить сподобились! Привязали, а она орет как ненормальная...

Сергей Комаров в 1939 году был призван в ряды Красной армии. В 1941 году с отличием окончил Ульяновскую военную авиационную школу летчиков и направлен служить в Красноярский край. А это совсем в другую сторону от войны, что ему категорически не понравилось. Но приказы не обсуждаются, Сергей, с детства приученный к дисциплине, вырос в семье военных, добросовестно и с полной отдачей выполнял свой долг служения Родине там, где было приказано. Прикомандированный к Енисейскому авиаотряду, он честно выполнял свой долг. Приходилось летать над таежным краем во всех направлениях. От Норильска до Абакана. Если бы не война, он был бы счастлив. Таких красот, как эта сибирская земля, ему еще не приходилось видеть, но война...

В этот вечер, после очередного полета, он зашел в штаб и долго рассматривал висевшую там, на стене, карту района. Что-то сверял по своей полетной карте, чем вызвал интерес командира.

– Что у тебя, Комаров?

– Дак вот, говорю же, вот здесь никаких населенных пунктов по карте, а там целая деревня по реке. Карты выдали, поди, еще царских времен, как по ним летать?

– Да не может такого быть! Нет тут ничего и никогда не было. Ты что-то путаешь...

– Да ничего я не путаю, я два раза над ней прошел. Низко, людей видел, избы, коров. Что я, во сне, что ли, самолетом управлял, товарищ командир?

– Ладно, пиши рапорт, доложу куда следует про твою «потемкинскую» деревню. Может, и правда карта старая...

Военлет Сергей Комаров сел за стол, вытащив из планшета остро заточенный карандаш, тщательно вывел на чистом листе: «Рапорт». Он уже восемь раз писал это слово за два месяца, просился на фронт. Но, увы, не отпускали. Теперь он опять машинально написал слово «Прошу» и, усмехнувшись, продолжил – «проверить на соответствие с действительностью полетные карты местности, поскольку в квадрате таком-то я обнаружил населенный пункт, никак на карте не обозначенный».

Данный рапорт так и остался бы в столе начальника аэродрома, как и многие другие докладные, если бы не летел он по срочным делам в Красноярск. А так вместе с другими важными бумагами, в спешке, и его случайно положили в портфель. Вызвали Никонова на совещание партактива, как всегда, срочно, и явка обязательна.

На совещании обсуждались вопросы, связанные с помощью фронту, поднималась роль и ответственность коммунистов за решение поставленных партией задач. В конце совещания представитель особого отдела в небольшом выступлении рассказал об участившихся случаях дезертирства и уклонения от мобилизации, потребовал на местах усилить контроль за контингентом призывного возраста. Тут-то и решил высказаться Никонов. Очень уж хотелось ему отметить, показать себя краевому начальству. С места слово попросил и, получив разрешение, начал:

– Это, конечно, усилить контроль за контингентом, это понятно. Уклонение от мобилизации – все одно что дезертирство, и за то карать надо со всей строгостью. Я тут перед совещанием выяснить пытался, что за деревня на речке Кoenга, есть такой приток Енисея в нашем районе. Никто не знает. По учету и по картам нет там никакой вообще деревни, а мой летчик над этой деревней дважды пролетел, людей, дворы, все, как положено, видел. Выходит, для кого мобилизация, а для кого мирная жизнь и не кончалась...

В президиуме начальство заерзало на стульях. Недоумение и возмущение на лицах. Недовольство даже в зале кто-то выразил.

– Как так?! Не может такого быть!

– Вы после совещания останьтесь, товарищ. Разобраться надо с вашим летчиком, – холодно приказал ему особист.

– Хорошо, – ответил выступавший и внезапно вспотел. Черт его дернул с этой деревней. А вдруг это действительно привиделось Комарову, ну, от недостатка кислорода бывает иногда у летунов, а может, он и выпивши был. Они, гады, всегда для сугрева... Надо было сначала самому проверить! От дурья башка...

Через полчаса в небольшом кабинете он, стоя навтыжку перед комиссаром особого отдела, трясущейся от волнения рукой положил на стол лист бумаги с рапортом.

– Я, товарищ комиссар, вот, рапорт имею от летчика. Проверить сами не успели, это ж только вчера факт такой известен стал.

– Зачем же на совещании такие вещи непроверенные заявлять? Это же дискредитацией партийно-советских органов пахнет, клеветой на советскую власть.

– Вот, пожалуйста, прочтите, это же на бумаге, черным по белому...

– Черным по белому, говоришь. Хорошо, проверим. Но если это бред твоего летчика, то под трибунал пойдете оба. Свободен.

Вечером этого же дня, брызгая слюной, по кабинету метался начальник краевого НКВД.

– Проверить мало. А если эта деревня действительно есть? Что тогда? А тогда мы с тобой под трибунал пойдём, потому как, уму непостижимо, за двадцать четыре года советской власти не увидели деревню на своей земле! Немедленно направить туда спецотряд НКВД, с особыми полномочиями. Найти эту деревню, если она есть, и сделать так, что ее нет! И никогда не было! Слышишь?! Никогда не было! И чтоб ни духу ни слуху об этой деревне. А этого, как его, ну, придурка, что на совещании выступил, законопатить так, чтоб и след его простыл.

– Так, а вдруг он прав?

– Тем более, ты что, не понял?!

– Так точно, теперь все понял. Сам с отрядом пойду.

Особист вышел из кабинета и прямо из приемной позвонил на аэродром.

– Дежурного НКВД!

– Сержант Дервянко.

– Там на Енисейск самолет должен быть.

– Есть рейс в шесть двадцать утра.

– На нем попытается улететь Никонов.

– Знаю такого, утром оттуда прилетел.

– Появится, задержать – и сразу ко мне, звони, машину пришлю. Ясно?

– Так точно.

Никонов не понимал, что происходит. Утром он приехал на аэродром, и его задержали. Никто не слушал его и ничего ему не говорил. Просто скрутили руки и бросили на пол в дежурке. Потом какой-то милиционер спросил:

– Никонов Иван Сергеевич?

– Да, – ответил он с надеждой, что сейчас все это недоразумение закончится, но сильный удар в голову погасил его сознание.

Очнулся Никонов на бетонном полу в камере, кроме сильной головной боли и духоты, какое-то время ничего не осознавал.

– Где я?

– В ж... – ответил чей-то сиплый голос.

– Товарищи, помогите, я задыхаюсь, – простонал он.

– Я же говорил, политического к нам определили... Сука, стучать теперь будет...

– А может, и не будет. Видишь, товарищу плохо, помоги ему, Муха.

– Эт можно.

Небольшого роста зэк спрыгнул со второго яруса нар и с телогрейкой в руках шагнул к лежавшему навзничь Никонову.

До прихода весны было еще так далеко, что ему, одинокому старику, становилось грустно, а порой до ужаса тоскливо. Голод и холод сковали город на Неве, его широкие площади, кварталы каменных домов и гулкие мостовые, мосты и гранитные набережные, заметенные снегом скверы и замерзшие посреди проспектов трамваи. Хозяничали в городе бесконечная февральская метель и сумерки, скрывающие все в этом нагромождении больших, промерзших, обезлюдевших домов, да еще жестокие, хлесткие ветры, плутающие во дворах, переулках и руинах разбитых войной зданий. Как будто подслушав его мысли, ветер, опять сорвав с крючка, захлопал хлипкой наружной дверью подъезда, грозя расщепить и сломать ее окончательно. Нужно было найти силы встать и, выбравшись из тепла постели, выйти на этот пронизывающий ветер, чтобы ее закрыть. Старик, кряхтя, тихо, ворчливо ругаясь, вылез из-под пледа и побрел

к дверям своей небольшой квартиры. Раньше, до войны, он был рад тому, что живет на первом этаже, теперь – нет. Тепло в доме уходит вверх, а помои летят вниз, замерзая на лестничных клетках и ступенях мраморных лестниц... Да еще эта подъездная дверь гремит прямо ему в стену... Он не успел дойти до двери, как что-то оглушительно грохнуло вверх, дом вздрогнул, осыпав старика штукатуркой с потолка и стен. Завывшая сирена известила об артралете, но для жильцов верхнего этажа это было бы уже без надобности – поздно. Там, куда угодил снаряд немецкой гаубицы, уже некоторое время никто не жил, выехали в эвакуацию. А этаж снесло, завалив обломками весь внутренний дворик дома. Когда тревога прекратила рвать душу своим надрывным воем и пыль развеялась, старик, одевшись, с трудом открыв прижатую обломком рухнувшей сверху балки дверь, вышел на улицу. Во дворе несколько человек, задрав голову, смотрели вверх на разбитый снарядом этаж. Никому из них, а это были члены аварийно-спасательной группы, не хотелось подниматься на эту как будто слегка дымящуюся верхотуру, сил просто не было. Увидев старика, один из них, вероятно старший, направился к нему.

– О, товарищ, как вас? – И, не дождавшись ответа, продолжил: – Скажите, кто там проживал?

– Раньше учительница с дочкой, а теперь никто. Выехали они недавно, в эвакуацию...

– Вот и славно, значит, никто не пострадал, так и пометим, пожара нет, жертв нет. Так, товарищи, там никого не было, едем, тут рядом, на Кузнечный, там тоже попадание, здесь все хорошо...

Все сразу пошли в арку, на выход, и дворик опустел.

«Чего уж тут хорошего?» – подумал старик, оглядывая завалы. В куче битого кирпича и штукатурки он заметил какой-то сверток, плотно стянутый бечевой. Подошел, пнул ногой, сбив осевшую штукатурную пыль. Тяжелый. Старик поднял его.

«Что бы там ни было, книги, бумага какая или вдруг продукты... Уже ничье... Все сгодится...» – подумал он, глянул по сторонам, и понес к себе.

Расположив сверток на широком подоконнике кухонного окна, – кухонный столик он сжег еще в декабре, зачем стол, когда продуктов нет, – старик разрезал ножом бечевку и осторожно стал разворачивать сверток. Брезент, потом плотная бумага, и только тогда он увидел две стопки тщательно прошитых школьных тетрадей...

«Странно. Какую такую ценность могут они представлять? Так упакованы...»

Старик открыл страницу подшивки и увидел, что обычная линованная в косую страничка тетради вся плотно исписана мелким почерком. Старик принес очки и взгляделся. Более чем странно! Тетрадные листы были исписаны на немецком языке.

«Интересно, очень интересно, тетрадь школьника, судя по фамилии на обложке – Игоря Пустовалова, ученика 3 «Б» класса, за четвертую четверть 1941 года, по русскому языку, исписана от корки до корки – на немецком?!»

Старик пролистал все подшивки – все на немецком!

«Нет, звонить никому не буду! Уже звонил один раз, дураком назвали... Интересно, что же здесь написано?» Он взял первую подшивку и унес ее с собой в комнату, там в кресле, при свете настольной лампы, вооружившись словарем, благо он хранил его на всякий случай, он углубился в чтение рукописи. Он давно не читал на немецком, да еще рукописный текст, но с первых строк рукопись его заинтересовала настолько, что все свое время он посвятил ее переводу и чтению.

Так незаметно для него и пришла весна. Время – категория сугубо индивидуальная. У каждого из нас оно свое. То летит незаметно: сел в кресло, задумался, как когда-то в прошлом, очень давно, а уж к обеду зовут, а может тянуться бесконечной резиной...

Группа «Северный ветер» готовилась к выполнению задания в сжатые до предела сроки, к концу марта был намечен выезд к месту, условно названному «Врата». Снаряжение, одежда,

продукты – всем этим занимался Степан Макушев. Ему помогали оба Владимира – Арефьев и Осокин. Все при этом с удовольствием наблюдали за Ванголом и Ольгой. А у тех был настоящий «медовый месяц». По прибытии на место они объявили о своей свадьбе. В своем очень небольшом коллективе они попросили сохранить это в тайне перед начальством до поры до времени. Это не составляло для их друзей никакого труда и было принято и одобрено с пониманием. Они не разлучались вообще, были вместе круглосуточно, понимая, что другого времени у них не будет. Ольга оставалась на базе, так решили на совещании еще в Москве, она должна была быть готова к заброске в тыл к немцам, но эта операция была еще в разработке и зависела от того, чем закончится основная, главная. Та, ради которой сейчас готовится к походу одна из подводных лодок Северного флота. Координаты точки высадки и места, под кодовым названием «Врата», Гюнтер сообщил Ванголу, и было верным решение в точности повторить маршрут немецкой экспедиции. Шансы были ничтожно малы, но они могли обнаружить хоть что-то, что может подтвердить правдивость рассказа немецкого ученого. Вангол не сомневался в Гюнтере, но начальство, несмотря ни на что, верило с трудом, и лишние доказательства тех событий могли иметь большое значение. Так или иначе, группа должна была высадиться и следовать по маршруту, пройденному немцами, достичь точки «Врат» и предпринять все возможное для вступления в контакт с тем, другим миром, о существовании которого никто и не подозревает. Никто, кроме очень малой группы людей, волею судьбы посвященных в эту тайну. Принес эту тайну немецкий ученый, руководитель тайной немецкой экспедиции, организованной обществом «Аненербе» под эгидой СС, Гюнтер Миттель, погибший в блокадном Ленинграде от артобстрела. Вангол не дал этой тайне умереть вместе с ее носителем. О существовании другого мира стало известно одному из самых влиятельных людей Советского Союза, Лаврентию Павловичу Берии. Именно по его совершенно секретному распоряжению была создана группа «Северный ветер». В эту группу, возглавляемую Ванголом, вошли Степан Макушев, Владимир Арефьев и Владимир Осокин. К этой группе была причислена и Ольга. Курировал группу и лично отвечал перед Берией за ее работу опытный разведчик Иван Красков. Больше о миссии группы «Северный ветер» на земном шаре не знал никто. Вернее сказать, на поверхности земного шара...

– Вангол, мне грустно. – Ольга крепко прижалась к любимому.

– Отчего?

– Ты же знаешь, скоро расставаться...

– Ольга, главное, что мы нашли друг друга, теперь мы будем вместе всегда, понимаешь, не важно, где мы будем, рядом или нет, наши души всегда будут вместе...

– Дурачок ты, Вангол, я не про это... я про... – И ее рука медленно заскользила по груди Вангола.

– Ах ты... ну-ка, иди ко мне...

Ольга со смехом отпрянула, но после короткой борьбы, как всегда, сдалась «на милость победителя».

– Господи, какой ты горячий, прямо огонь... – высвобождаясь из-под Вангола, шептала Ольга, нежно целуя его влажную грудь и плечи.

Вангол, откинувшись навзничь, лежал с закрытыми глазами; после нее он просто летал, его душа ликовала, взмывая в незримые высоты, а затем падая в необъятные просторы света и счастья. Как будто омытый свежей росой, он приходил в себя медленно, постепенно, укрощая удары своего сердца...

Ольга, уже встав, накинула на себя рубашку Вангола и суетилась с завтраком, мелькая перед ним манящей наготой.

– Оля, иди сюда, – пытался ухватить ее за рубашку Вангол.

– Все, все, все... – улыбалась она. Ее глаза излучали тепло и любовь. – На сегодня довольно, вставай, завтрак готов.

Вангол любовался ею, затягивая подъем.

– Дорогой, уже остывает...

Вангол встал и долго плескался под струями воды, которой не жалела Ольга, щедро поливая ему на спину.

Через час вся группа была в сборе. Пришла радиограмма о том, что на месте высадки, на побережье, их будут встречать местные охотники с оленьими упряжками, они уже выдвигаются в тот район.

– Значит, и нам пора, товарищи геологоразведчики... – улыбнулся Вангол.

– Из бригады была шифровка, завтра в 20.00 нас заберет буксир, в море переберемся на подводку, она уже нас ждет.

Макушев виновато улыбнулся:

– Мужики, а я в нее помещусь?

– Придется идти в надводном положении... – нахмурил брови, серьезно проговорил Арефьев и, не удержавшись, прыснул от смеха.

– Да, Степан, туго тебе придется... – рассмеялись все.

– Перед дальней дорогой отдых, все свободны до завтра, – сказал Вангол, поднимаясь из-за стола.

– Так, Арефьев, за мной, нам еще с упаковкой продуктов надо разобраться, – мстительно скомандовал Макушев.

– То-ва-рищ капитан, отдых же перед длительным плаванием по поверхности великого океана объявлен... – пробовал отшутиться Владимир, но Макушев, уже не шутя, добавил:

– Жду на складе через полчаса.

– Есть, – ответил Арефьев.

Сутки пролетели незаметно. Ровно в 20.00, на флоте на этот счет всегда порядок, в вечерней темноте к причалу приткнулся бортом буксир и уже через пять минут исчез в сгустившейся темноте, забрав с берега четверых мужчин. Через два часа хода с буксира увидели две зеленых сигнальных ракеты, и, сбросив ход, капитан осторожно подошел к подводной лодке. В море было тихо, легкий штиль, лодка ответила на сигналы буксира коротким приветствием, на ее борту появились матросы швартовой команды.

– Отдать носовой! – скомандовал капитан и протянул на прощание руку Ванголу. – Бог даст, встретимся.

– Обязательно, Афанасьич, обязательно!

Командир подводной лодки капитан-лейтенант Лузгин встретил приветливо. Спустившись из рубки по вертикальному трапу в центральный отсек, Вангол с любопытством осматривался.

– Да, габаритный у вас товарищ, – смеялся командир лодки, увидев спускавшегося в отсек Макушева.

– Нас не предупредили, для него же двойная пайка полагается... да и гамак его не выдержит, – шутили с разных сторон матросы.

– Ладно, придумаем что-нибудь, проходите в нос, да-да, вот туда, осторожно, не побейтесь, тесновато у нас.

– Вижу, что не проспект, – согнувшись почти пополам, бурчал Макушев, протискиваясь сквозь тесный проход в отсеке.

– Вот, посмотрите, как через переборку надо проходить, – сказал вахтенный матрос и, открыв круглую дверь между отсеками, ловко нырнул в нее одновременно ногой и головой вперед.

– У меня так точно не получится, – покачал головой Степан и полез в переборку как медведь в берлогу.

Хохот стоял во всех отсеках.

– Во так, ежли чё случится, товарищи, я из етой табакерки никак не выберусь. Так что вы уж не оплощайте...

– Ну все, хорош ужо, весь экипаж по палубе с хохоту катается, вахту нести некому, – смеялся командир.

– Командуй срочное погружение, старпом, я пойду в первый, навещу торпедистов...

– Есть срочное погружение!

В отсеки ворвался, резанув с непривычки по ушам гостей, надрывный звук корабельного ревуна, мгновенно вернув экипаж к действию. Все вокруг пришло в движение, матросы, офицеры – все и каждый были чем-то заняты, и никто никому не мешал. Вангол с большим интересом наблюдал за происходящим. Он был в дизельном отсеке и видел, как мотористы останавливали большие дизеля, электромоторы ровно гудели, вращая гребные валы подводного корабля. Лодка, продолжая движение, погружалась, уходя в глубину студеной воды Баренцева моря. Гражданских пассажиров, как окрестили команду Вангола подводники, разместили по отсекам. В тесноте, да не в обиде, шутили моряки, уплотняясь в миниатюрных каютах.

– Спать по очереди придется. Согласно вахтенному расписанию, вот так, и никак иначе, – объяснил Арефьеву конопатый, с рыжими усиками матрос. – Вообще, меня Василий зовут, если что, обращайся, подскажу, что непонятно будет, а сейчас пошли со мной в центральный, командир приказал.

Двухметрового Макушева определили на постоянное место в носовой торпедный отсек, там ему и лежак соорудили на торпедном стеллаже.

Впереди было много свободного времени, и Вангол думал, чем себя занять. Для всех они были сугубо гражданскими людьми, геологами. Командиру лодки, недовольному полученным заданием, по его мнению – несвоевременным и не боевым, разъяснили в особом отделе, что группа геологоразведчиков направлена в район залегания редчайшего стратегически важного сырья, применяемого для создания легированных сверхпрочных и легких сталей, необходимых в первую очередь в кораблестроении. С этого времени он проникся ответственностью и принимал Вангола со товарищи добросердечно и с должным уважением.

– Как устроились?

– Нормально, товарищ капитан-лейтенант.

– Вы у нас гости, люди гражданские, потому в небоевой обстановке давай без званий, на «ты» и по имени. Меня Сергей зовут, – протянув руку, улыбнулся командир подлодки.

– Согласен. Иван, – представился Вангол и пожал протянутую ему крепкую ладонь командира лодки.

– А сейчас прошу в центральный пост. Как-никак у вас первое погружение, посвящать будем в подводники.

– Так мы же гражданские...

– А это не важно, Иван, традиция...

В центральном было тесно и весело. Согласно традиции посвящения, всем четверым пришлось выпить по полной ледяной, горько-соленой забортной воды. После этого их торжественно приняли в подводники и согрели горячим чаем с белыми сухарями и вареньем из морошки.

Когда смолк смех и шутки, командир сказал:

– С этой минуты вы члены нашего экипажа, хоть и нештатные, закон подводников прост: здесь или все побеждают, или все погибают, поэтому от каждого из нас зависит судьба всех. Чтобы в дальнем плавании вам не было скучно, а в боевой обстановке или аварийной ситуации

от вас польза была, предлагаю вам заняться изучением отсеков, в которых вы расположились, и овладением одной из специальностей по этому же отсеку. Возражения есть?

– Нет, товарищ командир, – ответил за всех Вангол.

– С превеликим удовольствием, – поддержал, улыбаясь, Макушев. – Я уже начал изучение отсека, две шишки на лбу и колено...

– Товарищ командир, он нам всю матчасть из строя выведет...

– Отставить, чтобы через семь суток он мог заменить помощника торпедиста! Ясно? Выполнять!

– Так точно!

– Вот и ладно, все веселее будет, а то ума не приложу, чем заняться тут, все бока уже отлежал, одно железо кругом, одно железо... – бубнил Макушев, скрываясь за переборкой отсека.

Четыре часа сон, четыре бодрствование, четыре часа вахта – и так сутки за сутками живет экипаж подлодки. Уже не совсем понятно, когда день, когда ночь, только смена вахт, прием пищи и ровный гул идущего в толщах воды корабля. Вангол, с разрешения командира, осваивал гидроакустику. Ему было очень интересно понять, как управляется лодка на глубине, каким образом она идет по курсу, ведь никаких маяков или других ориентиров под водой нет. Как она определяет свое местоположение и вслепую находит противника... Узнав, что глазами и ушами лодки является гидроакустика, Вангол упрямил командира дать ему разрешение изучать это сложное морское ремесло.

– Гидроакустики люди особые, тут не только знания нужны, тут еще что-то требуется, не всегда объяснимое. Особые свойства самого человека. Тончайшие оттенки звука, вибраций в огромном мире шумов моря нужно услышать, выделить и определить.

Море и его глубины не безмолвны, как казалось Ванголу раньше. Они переполнены многообразием звуков, хаосом шумов, и все это ворвалось в него через наушники, которые протянул ему старшина Васильев, дежурный гидроакустик лодки. Вангол некоторое время тихо сидел, замерев от неожиданности. Потом он закрыл глаза и погрузился в фантастический мир океанских глубин. Так уж устроен был его мозг, он не просто значительно больше, но и как бы шире слышал, более того, в его воображении мгновенно возникали контуры и образы всего того, от чего к нему шли акустические сигналы системы гидроакустики. Чем дольше он вслушивался в эти звуки моря, тем ярче возникали в его голове образы. Он хорошо видел рельеф дна, над которым шла лодка, несколько раз отчетливо были видны остовы затонувших судов. Вангол не стал говорить об этом старшине, тот мог просто не поверить и поднять Вангола на смех, на лодке это было запросто. Поэтому, работая в параллельных наушниках, он внимательно выслушивал пояснения старшины, не всегда правильные и точные, а иногда и совсем ошибочные, но виду не подавал. Старшина старался помочь ему разобраться во всех тонкостях и деталях своей специальности, это было заметно, и после каждого сеанса Вангол искренне благодарил его за учебу. Через неделю он сдал экзамен на «отлично» и иногда на час, а то и два подменял вахтенных. Это было очень интересно, он все больше овладевал этим если не искусством, то, по крайней мере, требующим высочайшего мастерства морским ремеслом, испытывая огромное удовольствие. Все больше и больше ему открывалось возможностей, он как бы настраивал свой мозг на восприятие мира новым способом. И у него получалось все лучше и лучше. Он с нетерпением ждал каждой встречи с неведомым миром, который был, казалось, совсем рядом, за стальным корпусом лодки, но на таких глубинах он был так же далек и недосягаем, как космос. Для человека, но не для тех, кому эти просторы были домом. Несколько раз он слышал и как бы видел огромных живых существ, о которых ничего не знал и никогда не слышал. Они очень быстро появлялись из глубин, проходили вдоль корпуса лодки, как бы изучая ее, и также быстро исчезали в пучине. Размеры их были сопоставимы с размерами самой лодки. Вангол их слышал, а гидроакустики экипажа лодки – нет. Поскольку эти живот-

ные не причиняли никакого вреда, об их существовании Вангол никому не говорил. Самому от ощущений такого соседства становилось жутковато, но что поделаешь. Теперь он совершенно точно знал, что океан, его глубины – это другой мир, в котором человек всего лишь гость. Наверняка не всегда желанный.

Степан Макушев успешно освоил специальность торпедиста и горько сожалел, что в этом походе стрельбы не предвидятся, даже учебные. Командир первого отсека, молодой лейтенант, всерьез докладывал командиру лодки о том, что надо бы уговорить Макушева после экспедиции остаться в экипаже.

– Такие люди на флоте нужны... – поддерживал его старпом.

Владимир Арефьев осваивал профессию корабельного электрика и уже понимал, где искать «ноль, если фаза згнула». Владимир Осокин совершенствовался в радиорубке на скорость приема и передачи. Все оказались заняты, и время похода пролетело незаметно и с пользой. В первых числах апреля лодка пришла к определенному заданием месту у побережья Карского моря, и группа была высажена прямо на лед. До берега, до занесенной снегами земли, предстояло пройти не менее тридцати километров. Тепло попрощавшись со ставшей почти родной командой лодки, они ушли в метель, моментально скрывающую и их следы, и их самих.

– Да, ну и работа у парней! – ужасались и восхищались одновременно подводники.

– В такую темень, холод, метель ушли, как будто так и надо! Даже не чертыхнулся никто...

Действительно, Вангол и его группа ушли быстро и сразу, выжидать «погоды» не имело никакого смысла, какая она будет завтра – предсказать невозможно, а время уже было несколько упущено. Охотники их ждали уже несколько суток, если, конечно, ждали. Сомневались все, кроме Вангола, он был уверен: эвенки не то что обмануть, слова своего нарушить не могли, не было у них такого в понимании жизни вообще. Не принято было так поступать. Законы тайги этого не позволяли.

Шли на лыжах, груз тащили на легких санях, сделанных по чертежам Вангола. Шли долго, тяжело преодолевая мощные торосы, обходя широкие трещины и большие полыньи. К полудню следующего дня вышли к берегу. Еще издали, заметив несколько чумов, с курящимися над ними дымами очагов, Вангол выстрелил вверх красной ракетой. Через несколько минут четыре олени упряжки уже спешили к ним.

– Долго ждем, товарищ! – широко улыбаясь, поприветствовал Вангола охотник. – Меня Миша зовут, кладите все в нарты, садитесь, едем, гостям очень рады помочь! Кушать будем, оленька сейчас освежаем, молодой мясо, кусно!

– Хорошо, хорошо, Миша. Ребята, грузимся!

– Я лучше пешком, не по мне эта карета, – с сомнением глядя на легкие, из тонких жердей нарты, сказал Макушев.

– Садись, Степан, выдержат, добротное сделано, – улыбнулся Вангол.

Скоро они сидели в теплом чуме и уплетали сочную вареную оленину, которую прямо из котла большими кусками вынимала и подавала гостям хозяйка чума. После питания на подлодке, при всем уважении к корабельному коку, вкус оленьего мяса был просто неопишуем. После такой еды и горячего чая, с устатку, они не смогли отказаться от сна. Сначала отвалились на шкуры оба Владимира, потом богатырски захрапел Макушев, и только после него, поблагодарив хозяйку и попрощавшись с мужчинами, ушедшими из чума, лег на приготовленный для него топчан Вангол. Он долго говорил с охотниками на их родном эвенкийском языке, они были очень удивлены этим. Впервые они видели русского начальника, так хорошо владеющего их языком. Как правило, несколько слов, еще реже фраз знали те, кто руководил их колхозной жизнью на огромных просторах полярной земли. Это обстоятельство сразу сблизило Вангола с охотниками, они приняли его как своего. Только поэтому они многое ему рассказали о тех местах, куда его группа направлялась. Это были скорее легенды, но они о многом свидетельствовали. Во-первых, долина реки Вилюй была запретной для охотников, потому что там жили

злые духи, которые убивали всех, кто туда приходил. Они были так сильны, что находили тех, кто там побывал, даже когда они возвращались в родные места. Люди умирали в страшных муках, и даже шаманы ничего не могли сделать, чтобы облегчить им смерть.

Те, кто возвращался оттуда живым, успели рассказать о том, что они видели, как из земли вылетали большие огненные шары, которые улетали к звездам. Еще они видели огромные медные котлы, выходящие из земли, через которые злые духи, живущие в земле, дышали, наполняя смрадом и ужасом все близлежащее. Страх наполнял сердца людей, когда они подходили к ним ближе полета стрелы. Кто-то пытался отрубить кусок меди, но не смог даже поцарапать стальным ножом поверхность котла. Духи наказали его, лишив разума, когда он вернулся в стойбище, но шаман успел узнать, за что его наказали духи. Но самое интересное было то, что один из охотников, самый молодой, по имени Василий, видел в тундре что-то похожее на аэроплан, только без крыльев. Он аэроплан видел на фотографии, в газете, которую сам читал. Василий очень гордился тем, что умел читать, и несколько раз повторил это, пока не услышал похвалу от Вангола.

«Ну прямо как дети», – думал Вангол, глядя на охотников. Давно он не встречался с таежными людьми, отвык от такой открытости и чистоты души. Выезд в долину реки наметили на завтра, но с одним условием – охотники не пойдут в саму долину, проводят до нее и будут ждать. Они не могут нарушить родовой запрет, нельзя. Только Василий сказал, что он пойдет, он комсомолец и не верит в духов и разные сказки. Он грамотный и, когда закончится война, поедет учиться в большой город. Охотники не одобрили поступок Василия, но своего решения не изменили, сказав, что каждый сам решает свою судьбу. Вангол согласился, нельзя было идти против воли этих людей; Вангол в существование Духов тайги свято верил, они давали ему силы. Но он понимал: Духи тайги здесь ни при чем, и поэтому не стал отговаривать Василия, наоборот, поблагодарил его за смелость и за то, что он своим решением очень поможет им выполнить поставленную перед ними важнейшую для страны задачу. Особенно если сможет найти то место, где он видел странный аэроплан.

– Мой память очень хорошая, я найду, я помню!

– Очень хорошо, Василий, до завтра.

Если это то, что он думал, а именно немецкие аэросани, то слова Гюнтера полностью подтвердятся, по крайней мере в том, что здесь действительно были немцы. Вангол не спросил, были ли там человеческие останки. Василий об этом ничего не сказал, вероятнее всего, не было. Вангол не стал уточнять, лучше осмотреть все самому. Главное, чтобы охотник нашел это место.

Утром, по готовности, четыре упряжки с людьми и две с грузом пошли на юг от берегов студеного моря. Перед этим была радиосвязь с лодкой, отряд сообщил для своего начальства, что прибыли на место благополучно и приступают к выполнению поставленной задачи. То, что на оленях они дойдут значительно быстрее, чем это получилось у немецкой экспедиции, Вангол был уверен. Сейчас, когда проводники отказались полностью проделать маршрут, ситуация изменилась. Вангол решил разбить лагерь там, где останутся проводники, и уже оттуда, только своей группой с Василием, делать исследовательские заезды на территорию таинственной долины. Об этом он перед выездом сообщил охотникам, с чем они, с видимым облегчением, согласились и, судя по улыбкам на их лицах, даже обрадовались.

Они должны были выйти к притоку Вилюя под названием Алгый-Тимирнить – что в переводе с тунгусского означало «Большой котел утонул» – и обследовать местность Елюю-Черкечех, что означало «Долина смерти». Сами эти названия уже говорили о многом непонятном, по крайней мере чужеродном, особенно для этой местности, куда практически не ступала нога цивилизованного человека.

Не так уж и много на земле таких мест, труднодоступных для людей и потому еще совсем диких. Вангол знал по себе, как опасна эта девственная природа для человека из города, осо-

бенно сейчас, когда тундра еще скована морозом и занесена плотным, как песок, снегом. Белая бескрайняя пустыня, причесанная северными ветрами, неудобная и пугающая своей безжизненностью. Окажись здесь даже опытный человек один на один с ней – и все, выжить шансов нет. Как же выжил Гюнтер после возвращения оттуда? Жаль, он не успел об этом рассказать.

Вангол не знал о существовании записей в тетрадах Гюнтера, которые именно сейчас с удивлением и интересом читал старик в маленькой квартире на первом этаже разбитого арт-обстрелом дома, в осажденном немцами Ленинграде, почти за пять тысяч километров от этого места.

На исходе третьих суток пути охотники остановились.

– Здесь стоять будем, там долина злых духов, долина смерти.

– Хорошо, ставим палатки, готовим ужин, организуем ночлег, а утром пойдем дальше.

Так, Василий?

– Так, так, начальник, я с вами. Полдня ехать будем до того места, о котором вам сказал, там аэроплан без крыльев.

– Хорошо. Вот завтра и займемся поисками этого аэроплана. Степан, останешься на базе, обосноваться здесь надо надолго. Займи охотников делом, коль они дальше идти не могут, хорошо?

– Хорошо, товарищ начальник... – улыбнулся Макушев.

– Начальник экспедиции... – ответил ему с улыбкой Вангол, почувствовав, как в голове Макушева всколыхнулись воспоминания его конвойной службы до войны.

Да разве мог тот тогда предположить, что попадет под начало одного из своих подопечных...

Степан Макушев ни тогда, ни сейчас об этом, естественно, и не думал. Он был весь поглощен тем, чем жил теперь, сегодня. А сегодня он был как бы зам по тылу, а это очень ответственная работа в экспедиции. И это сразу почувствовали на себе те, кто остался на базе. К возвращению Вангола и его группы наспех разбитая ночью стоянка преобразилась до неузнаваемости. Палатки выстроились в ряд, появился склад и даже столовая.

Охотники смеялись:

– Зря остались, в «большого» начальника духи долины вселились все сразу, нет никому отдыха, весь день работа, работа... – но были довольны.

Вангол и его товарищи вернулись под вечер ни с чем. Несколько раз они пытались даже копать там, где показывал молодой эвенк, но безуспешно. Абсолютно никаких примет этого места не существовало, голая тундра. Но Василий утверждал: «Здесь».

А здесь все было под глубоким снегом...

Только там, на месте, Владимиру пришла мысль:

– Так мы ничего не найдем до лета. Нужно сделать щупы. Длинные металлические пруты, которыми будем протыкать снег, и если наткнемся на металл, будет слышно.

– Да, возможно, это бы помогло, но где здесь взять эти пруты?

– Центральные кольца палаток я специально заказал цельнометаллические, так, на всякий случай, они точно подойдут для этого.

– Случайностей не бывает, Владимир, ты молодец, завтра поделим площадь на квадраты и попробуем.

– Не расстраивайся, Василий. Завтра точно найдем твой аэроплан, – ободрил расстроенного охотника Арефьев, дружески похлопав его по плечу.

– Это здесь, – ища участия, повторял эвенк.

– Мы верим тебе, верим! – ободрил его и Вангол.

Макушев был крайне удивлен, когда увидел: первое, что сделал Арефьев, прибыв на базу, – это разбор одной из палаток.

– Ты чего, Володь?

– Проверить надо идею.

– А палатка при чем?

– Палатка ни при чем, колья центральные нужны.

– Так бы и сказал, палатку не тронь, колья, которые железные, в тех нартах лежат, для четвертой палатки. Эвенки чум поставили, им в палатке непривычно.

– Отлично, благодарю за ценную информацию. – Бросив уже выдернутый из снега боковой колышек, Владимир побежал к нартам.

– Вот это уже просто хулиганство, а еще мент, вот повезло с родней... – Макушев забил ногой колышек в наст, восстановив перекошенную палатку.

Арефьев, отыскав прут, тут же, для проверки, с силой вдавил его в снежный наст и вдруг услышал характерный металлический стук.

– Не понял?! Что это?

Он несколько раз постучал. Где-то на полуметровой глубине, как ему казалось, был металл. Он сходил за лопатой и стал копать.

– Владимир, давай в палатку, каша стынет! – услышал он.

– Каша – это святое! – ответил он и, оставив свой раскоп, пошел на зов Макушева.

После ужина выходить в темноту на холодный, пронизывающий ветер ему уже не захотелось.

«Будет утро, раскопаю», – подумал он и, завернувшись в меховой спальник, уснул.

Утро началось с подъема, который устроил Макушев по всем правилам воинского устава. Арефьев, наскоро перехватив пару сухарей с чаем, побежал копать дальше, и через некоторое время в палатке, где остальные члены экспедиции еще только намазывали маслом хлеб, услышали ликующий крик Арефьева:

– Нашел! Я нашел!

– Чего он там нашел? – удивился Макушев.

– Пойду посмотрю.

– Ты чего орешь? – увидев торчащую из сугроба задницу Арефьева, спросил Макушев.

Тот, выбравшись из снежной норы, протянул Макушеву металлический предмет, похожий на три звена необычной формы цепи.

– Что это?

– Не знаю. Но это металл, который даже не заржавел, смотри, он блестит. Что же это такое?

Находку принесли в палатку, где, тщательно очистив тряпочкой, стали ее внимательно осматривать.

– Это деталь какого-то сложного механизма. Может, здесь самолет потерпел аварию?

– Это не так, здесь самолет никогда не летает, – опроверг версию Василий под одобрительные кивки остальных охотников.

– Ладно, сохраним, потом эксперты разберутся в лаборатории, откуда эта штукавина взялась, – принял решение Вангол. – Главное в другом, Арефьев, ты дважды молодец! Идея со щупом твоя, да еще и это! Воткнул наобум и нашел кусок железа в тундре, где он, может быть, единственный на тысячу квадратных километров! Скажи кому, не поверят!

– Поэтому надо прямо сейчас составить служебную записку – и в отчет, вместе с этой штуковиной, – добавил Макушев.

– Полностью с этим согласен, указать время и место обнаружения и описать по возможности точно. Это мы поручим Осокину, сегодня он остается дежурным на базе.

– Есть! – коротко ответил Владимир. – На ужин перловка с тушенкой, не опаздывайте, – крикнул он отъезжавшим в поиск.

Прибыв на место, Вангол дал указание расчертить площадь десять на десять метровых квадратов от центра, который показал охотник.

Вчера, уезжая, Вангол для проверки незаметно от охотника пометил это место, сегодня Василий привел именно к нему, хотя метель за ночь замела все следы их деятельности. Хороший таежник, память цепкая, ориентируется в пространстве превосходно, подумал о нем Вангол. Учитывая предполагаемый размер искомого объекта, пошли по квадратам с шагом в полметра. Двумя шупами действовали Арефьев и Макушев, дело пошло быстро.

Уже через час шуп Макушева ударил по металлу, всего на три метра севернее от центра площадки. К вечеру немецкие аэросани, уже сильно утонувшие и вмерзшие в болото, были откопаны и стояли готовые к транспортировке. Не бросать же такое чудо техники! Решено было завтра оленями утащить их на базу. Там придется разобрать и по возвращении переправить в Москву – это очень веский аргумент и доказательство неоспоримое.

– Нам очень повезло, друзья, с этой находкой, но это лишь часть нашего задания, и не главная. Завтра с нами идут все. – Вангол кивнул охотникам. – Там вы быстро цепляете аэросани и уходите обратно. Мы вам поможем. А мы уходим дальше. Всем все ясно?

Охотники согласились: Василий-то уже два раза там был, и ничего с ним не случилось, успокаивали они себя, гася суеверный страх в душах.

– Вот и ладно. Тогда отбой.

До места, координаты которого Гюнтер сообщил Ванголу, от места их стоянки было более ста километров, поэтому, поскольку охотники идти с ними не могли, экспедиционная группа увозила с собой весь спецгруз и питание. Они забирали почти все нарты с оленями, оставив охотникам только одну упряжку, другого варианта не было. Вангол еще раз спросил, не пойдут ли они с ними. Ответ был отрицательный, и Вангол воспринял его спокойно и с должным уважением. Он понимал, как важны законы предков на этой земле. Единственной просьбой Вангола было: если от них не будет вестей более двух недель, нужно сообщить о пропаже отряда по определенному адресу. Для этого эвенки должны добраться до ближайшей точки, где есть связь с Москвой, и отправить телеграмму. Вангол передал листок с текстом одному из охотников. На этом и простились. Василий свое слово сдержал и пошел с ними.

Сам переход занял два дня, ухудшилась погода, сильный ветер обжигал лица и выхлестывал тепло из одежды. Трудно было определяться на местности. Карта района была очень приблизительна, по сути, этот участок был «белым пятном». Звездного неба просто не было потом еще трое суток. «Примерно здесь», – самое точное, что мог сказать Вангол своим людям.

– Что вы хотите здесь искать? – допытывался Василий у всех по очереди.

Над ним по-доброму издевались: Арефьев сказал, что это государственная тайна, но как лучшему проводнику он ему расскажет. Оказывается, в Москве копали метро и заблудились, где-то здесь должен быть выход...

Макушев, тот сказал, что сам точно не знает, но какой-то старый рудник, еще царский. Володя Осокин сказал ему, что ищут копи царя Соломона...

Расстроенный тем, что ему не открывают правды, на привале Василий подошел к Ванголу.

– Начальник, я хороший человек?

– Да, ты очень хороший человек.

– Почему все смеются надо мной, говорят неправда? Я смелый, я пошел с вами, мне обидно, что...

– Хорошо, Василий, придется рассказать тебе правду, а на товарищей не обижайся, они не имеют на это права.

Вангол объяснил Василию, что, по имеющимся данным, в этом районе побывала немецкая научная экспедиция, еще до начала войны. Аэросани принадлежали немцам. Что они здесь искали – неизвестно, зачем приходили и куда исчезли – тоже неизвестно. Тогда они с Россией еще не воевали, теперь они – наши враги и то, что они здесь делали, необходимо выяснить. Вот за этим и приехали.

– Теперь мне все понятно, начальник, скажи, что я должен делать?

– Твое дело – олени и нарты, Василий, занимайся этим делом, хорошо?

– Хорошо, начальник, но я буду все смотреть, мои глаза хорошо смотрят, много видят.

– Я это знаю, Василий, ты хороший охотник, если что заметишь необычное, любые следы пребывания людей, сразу покажи.

Василий, довольный тем, что справедливость восторжествовала, с энтузиазмом занялся устройством стоянки. Теперь уже он стал подначивать своих сверстников Арефьева и Осокина.

– Что, скоро к тебе в гости прямо поедем, да? Прямо в Москву на олешках, да? Дырку в земле найдем и поедем, да?

К Макушеву он относился с большим почтением, он считал его человеком-медведем. А медведь для эвенка – хозяин тайги, священное животное. Поэтому с ним шутить охотник позволить себе не мог.

Точные координаты удалось установить только на пятый день, оказалось, они не дошли до точки несколько километров и теперь немедленно отправились туда.

– Вот теперь мы точно на месте. Здесь ставим палатки.

Ничего примечательного заметно не было. Крутой берег реки в своем изгибе был полностью заметен снегом, как и везде, на многие километры. Безлюдная и безжизненная снежная равнина с пологими холмами, изрезанная руслом замерзшей реки, и больше ничего. Поставив палатки и поужинав, собрались на совещание. С чего начинать, если не за что даже зацепиться?

– Так или иначе, мы сюда прибыли и то, что здесь была экспедиция немцев, фактически подтвердили. Это первое. Теперь второе. Если это место и было зоной контакта, то за год природа просто стерла все следы, и, вероятно, те, кто способствовал тогда контакту, сделали все, чтобы этих следов не осталось. Поэтому наш расчет на возможный вариант нового контакта неверен. И это так и есть. Они не приглашали нас. Они просто передали послание, и все.

– Я предлагаю все же пройти со шупами, тем более я пробовал, здесь снег не такой плотный.

– Хорошо, возьми с собой Владимира и работайте, вдруг опять удача улыбнется вам.

Но на этот раз Арефьеву не подфартило ни в первый день, ни в последующую неделю поисков.

Вангол с Макушевым и Василием объезжали участок за участком всю долину Вилюя, но нигде никаких особенностей замечено не было. Однажды вечером уже улеглись в спальники, как вдруг услышали шум. Необъяснимый и непонятный. Они явно слышали нарастающий гул, он шел из земли, похожий на звук прибывающего поезда. Он медленно нарастал несколько минут, а потом произошел резкий хлопок. Они выскочили из палатки, но ничего необычного, кроме странного кисло-сладкого запаха, вдруг на какое-то мгновение возникшего и исчезнувшего, да сполохов яркого сияния в небе, не заметили.

С шумом вобрав ноздрями в свою необъятную грудь воздух, Степан Макушев сказал:

– Как будто рванула пробка из огромной бутылки с брагой, чуете?

Вангол согласно кивнул Степану.

– Что же это такое могло быть? – произнес он, пытаясь понять произошедшее.

Василий виновато улыбнулся:

– Это мы слышали дыхание Духов смерти, надо сейчас отсюда уходить.

Но, поскольку все уже было готово к ночлегу, уйти решили утром, переночевав здесь. Впоследствии Ванголу стало ясно, что это была трагическая ошибка. То, что случилось потом, было абсолютно необъяснимо, нереально и страшно. Даже ему. Около полуночи Вангол проснулся от душераздирающего крика. Палатка была открыта, и ветер трепал ее створки, Вангол был один. Нашарив в кармане палатки фонарик, Вангол включил его и, вынырнув наружу, резанул лучом света вокруг себя. То, что он увидел, заставило его похолодеть. Он стоял на краю бездны. Вокруг была полная темнота, в которой просто терялся луч его фонарика, ни

от чего не отражаясь. Бездна начиналась у его ног, и он медленно начинал в нее сползать. Он сделал попытку шагнуть назад, отступить и в это мгновение рухнул, потеряв опору под ногами. Дикая крик вырвался из его горла сам по себе, и... он открыл глаза. В палатке, которую рвал шквалистый ветер, был свет от включенного фонарика. Вангол привстал и огляделся. Рядом сидели с бледными и мокрыми от напряжения лицами Степан и охотник Василий.

– Что случилось? – хрипло, от внезапного волнения ему перехватило горло, спросил Вангол.

Макушев смотрел на Вангола и хотел что-то сказать, но не мог. Его губы кривились в попытке, но кроме частого дыхания не выдавали никаких звуков. Василий тоже молча теребил пальцами свою меховую шапку, из его глаз катились градины слез. Он не утирал их, они собирались в его едва проступивших на верхней губе усах и стекали по ним к углам рта, подбородку и шее. Казалось, в этой гнетущей тишине время остановилось.

Вангол молча встал и двинулся к выходу из палатки. Сильные руки Макушева остановили его, буквально пригвоздив к месту.

– Нет! Нельзя! – услышал он его судорожный шепот.

– Что случилось?! Степан! – справившись с собой, уже твердо и требовательно спросил Вангол, силой снимая с себя тяжелые руки Макушева.

Он успокаивающе посмотрел в его глаза и неимоверным усилием воли вернул Степана в реальность. Тот, глубоко вздохнув, расслабил намертво сжатые пальцы.

– Степан, что с тобой? – повторил Вангол.

– Черт знает что! – откинувшись на свой спальник, медленно проговорил Макушев, обеими ладонями он растирал себе виски.

Вангол повернулся к Василию и стал приводить его в чувство. Тот через минуту обессиленно упал на свое ложе.

Вангол достал фляжку со спиртом и налил в кружку Макушеву. Тот, выдохнув, проглотил обжигающую жидкость и наконец вполне осмысленно посмотрел вокруг.

– Вангол, ты прости, но я сейчас так материться буду, палатка треснет, твою мать...

– Ты это потом, на свежем воздухе, пожалуй, а то без палатки нам туго придется, – с облегчением улыбнулся Вангол.

– Представляешь, мне такое привиделось, чуть в штаны, ей-богу, не наделал! Сплю. Вдруг слышу, будто кричал кто, звал на помощь, я вскочил, вас нет, я из палатки, а там нет ничего, вообще ничего, ни неба, ни земли, и пропасть под ногами... Ну и я туда ка-а-а-ак... – Далее Макушев так обозначил свое состояние, что самые блатные зэка позавидовали бы обилию эпитетов и красок в его речи.

Василий, до того лежавший молча, резко сел:

– Начальник, я то же самое делал, только еще страшней... там за палаткой земля провалилась, как теперь будем? Шаманы были правы, я, дурак, им не поверил, сам пошел, вас пригласил, теперь все погибай будем... – И слезы вновь покатались из его глаз.

– Василий, успокойся, тебе это показалось, приснилось, понимаешь...

– И ему тоже приснилось?

– И ему тоже, такое бывает, – заключил Вангол, прекрасно понимая, что говорит полную ерунду.

Вангол подошел к выходу из палатки и, освободив полог от вязок, откинул его. Яростный ледяной ветер ударил его в лицо, он на мгновение прикрыл глаза и шагнул наружу. То, что представилось взору Вангола, не повергло его в ужас только потому, что он мог управлять собой, как никто другой. Черная бездна окружала их палатку со всех сторон. Они как бы парили в воздухе... Вангол закрыл глаза, удерживая себя в состоянии спокойствия. Его мозг четко работал, анализируя ситуацию. Этого не может быть. Ветер, ему в лицо бил ветер, холодный ветер, ветер зимней тундры с его специфическим запахом и земным шумом. Шоро-

хом секущего по насту мелкого снега. Легкого похрустывания ломающихся снежинок под его ногами... Этого не может быть!

Вангол сосредоточился, вообразил себе тот мир, что должен был предстать перед ним на самом деле, и открыл глаза.

Яркие звезды сияли в черном небе. Ослепительно-яркие после того густого мрака, который был лишь несколько мгновений раньше. Он оглянулся, из палатки высунулся Василий и, облегченно вздохнув, грустно улыбнулся.

– Какой я комсомолец? Совсем плохой, мне приснилось, а я поверил? Начальник, не говори никому про это, над Василием смеяться охотники будут...

– О чем не говорить, Василий?

– Об этом.

– Так ничего же не было.

– Конечно, не было, начальник, ничего не было... – рассмеялся молодой эвенк.

Макушев вышел из палатки и пошел в сторону по малой нужде, чертыхаясь и охая с присказками, от которых даже ветер постепенно утих.

Они разожгли костер и сидели у огня до утра, попивая крепкий чай с сухарями, вглядываясь в изумительно красивое, бездонное, бесконечно глубокое и одновременно близкое, вбирающее, впитывающее в себя целиком, нависающее над ними, живое, трепетно дышащее сиянием миллиардов светил небо.

Еще неделя поиска не принесла никаких плодов, и Ванголом было принято решение возвращаться. В условленное время связались с подводной лодкой, она ждала их. Через два дня немецкие аэросани были разобраны по винтикам и упакованы. Инструмент был доставлен с подводного корабля. Рама саней оказалась слишком массивной, конструкция не могла быть разобрана, после тщательного описания и составления чертежей она была оставлена на ответственное хранение охотникам, обязавшимся доставить ее и передать в органы НКВД с подготовленной Ванголом служебной запиской.

Подробный доклад о выполнении задания лег на стол Лаврентия Павловича уже на второй день по возвращении группы на базу. Времени для составления его у Вангола было предостаточно. Он весь обратный путь совершенствовался в гидроакустике и писал доклад. Кратко, но содержательно. Он хорошо знал, кто будет его читать. Вангол, кроме всего, отразил в нем и свое мнение о том, что обследованная группой территория представляет реальную опасность для жизни и здоровья: она своеобразно и надежно защищена от людей, от ее тщательного изучения и исследования некими энергиями, о существовании и свойствах которых нет сведений в научном мире.

Внимательно прочитав все изложенное, Берия задумался.

– Что ж, не зря время потрачено, не зря. Факт существования немецкой экспедиции достоверно подтвержден. Рассчитывать на прямой контакт не приходится, я это предполагал. Что ж, будем внедряться в это сатанинское «Аненербе». Через него, и только через него возможно реальное противодействие немцам в освоении ими тех технологий, которые катастрофически опасны не только для нас в этой войне, но и для всего человечества. А эту территорию действительно надо как-то обезопасить для населения, впрочем, какое там к черту может быть население. Ладно, сделать что-то все равно надо. Но не сейчас. А сейчас срочно подготовить и реализовать операцию внедрения.

Он снял трубку и, когда услышал ответ, произнес только одну фразу:

– Завтра в двадцать ноль-ноль.

– Есть! – ответил ему на другом конце провода полковник Красков.

Иван Иванович бережно положил трубку на аппарат и облегченно вздохнул. Последние месяцы он жил как на вулкане. Его не беспокоили, но он чувствовал, что «шеф» ждет

ответы на поставленные им вопросы, и это ожидание затягивалось. Сам он тоже волновался за судьбу группы. Он понимал: если результат экспедиции будет нулевой, все может закончиться печально для всех. Легче похоронить эту информацию и забыть о ней, естественно, вместе со всеми, в нее посвященными, чем «искать черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет». Но все произошло как надо. Вангол не подвел старого разведчика. Берия назначил встречу, значит, все пойдет по плану, разработанному им и уже утвержденному на самом верху. Красков отдал в отдел шифровку с приказом группе «Северный ветер» и открыл перед собой папку, на обложке которой было только одно слово «Аненербе», перекрытое штампом «Особо секретно».

- Оль, ты понимаешь, что нам предстоит?
- Да, понимаю.
- Ты уверена, что выдержишь?
- Уверена. А ты выдержишь?
- Пока не представляю, как я смогу доверить тебя этому... эсэсовцу.
- Если Красков узнает, что мы вместе, будет плохо.
- Он знает, я сказал ему вчера, что мы поженились.
- Зачем?
- Чтобы он об этом знал. Понимаешь, Оль, я не умею иначе.
- Я люблю тебя.
- Я тоже.
- Что теперь будет?
- Ничего плохого не будет.
- И что Красков сказал?
- Поздравил и обиделся, что его не позвали на свадьбу.
- Врешь...
- Вру... то есть не вру, а просто шучу. Он сказал, что, конечно, рад за нас, но изменить что-либо, а уж тем более отменить операцию не может. Если честно, то он несколько растерялся.
- И не надо отменять, мы же все выдержим, правда?
- Правда. Я убедил его в том, что наши отношения не повлияют на работу.
- А сам говоришь...
- Да ничего я не говорю, я люблю тебя, Ольга, я хочу, чтобы ты была всегда рядом со мной, вот и все. Так будет, когда мы победим, а пока...
- А пока обними меня покрепче, дорогой...

Оба Владимира, Осокин и Арефьев, получили задание – в максимально короткий срок освоить немецкий язык, все их время было посвящено только этому. Опытнейшие преподаватели немецкого сменяли друг друга. Практически обучение велось круглосуточно, в нем активно участвовали Вангол и Ольга. Им тоже важно было шлифовать и доводить до совершенства немецкий. Все складывалось удачно, за исключением одного – заболел Макушев. Он вообще не знал раньше, что такое болеть. Ранения – это единственное, что валило его с ног. А тут случилось нечто непонятное...

Степан еще в подводной лодке на пути обратно почувствовал себя плохо и уже в Москве слег окончательно. В госпитале, куда он был помещен, никто не мог поставить диагноз. Вангол через Краскова настоял на встрече с главным врачом госпиталя, мужчиной пожилым, но, несмотря на видимую усталость, очень энергичным.

– Да, озадачили вы меня, молодой человек, озадачили, – после некоторого молчания сказал врач, выслушав рассказ Вангола о том, что он считает причиной болезненного состоя-

ния своего друга. – Вы знаете, это, конечно, все интересно и, может быть, имеются основания полагать, что... – Доктор закашлялся. – Однако нам абсолютно неизвестны методы лечения болезней такого характера. Тем более такого рода диагностика не имеет никакого отношения к науке, к современной медицине... Хотя скажу откровенно, нечто подобное наблюдалось уже в мировой практике и описано. Однако результат всех попыток лечения был один. Летальный исход.

Доктор, увидев, что Вангол не понял термин, пояснил:

– Простите, пациенты всегда умирали.

– Да, спасибо, я понял, но само по себе определение «летальный исход» интересно.

В усталых глазах доктора появился некий огонек, он внимательно взгляделся в Вангола.

– Вы редкий человек, в наше время очень мало кто вдумывается в смысл произносимых слов. Да, смысловое значение этих слов прямо свидетельствует о том, что при наступлении смерти физического тела человека, что характеризуется остановкой сердца, душа исходит из него, то есть улетает. Это явно антинаучный тезис, но, увы, подавляющее большинство ученых спокойно употребляют данную терминологию, при этом напрочь отрицая наличие у человека души.

– А вы считаете, что душа у человека есть?

– И душа у каждого есть, и совесть тоже есть у каждого человека.

– Даже у тех, кто убивает...

– И у них тоже, другое дело, какие у них души. Вы слышали о таком определении – «заблудшие души»?

– Если честно, может быть, и слышал, но не задумывался о смысле. Интересно, и что это означает?

– Вам понятен смысл слова «блуд»? Блудить – значит потерять правильную дорогу. То есть блуд – суть неверный путь. Следовательно, заблудшая душа – та душа, что находится на неверном пути, потеряла правильный путь либо не нашла его. И в этом не всегда ее можно обвинить.

– Значит, человек может быть невиновен в тех злодеяниях, что совершил?

– Мы говорим о душе, она может быть невиновна, а человек – это уже личность, и как личность, то есть органичное соединение души и тела, обладающего умом, обязан нести полную ответственность за свои поступки. Личность как раз и делает выбор пути. Вот только жаль безвинно страдающие души.

– Понятно, у каждого свой путь и каждый его выбирает сам.

– Не всегда сам, иногда его помогают выбрать, и довольно часто в подобных случаях в своекорыстных интересах.

– Как-то неясно, ведь эту же помощь в выборе жизненного пути всегда оказывают родители? Какая тут корысть? Все своим детям только добра желают.

– Разрешите возразить. Даже родители не всегда способны различать, что для их дитя добро, а что зло. Очень многие считают, что для ребенка нужно, чтобы у него все было, все, все, что только он ни пожелает. Так и жили многие до войны, сейчас, поверьте, этим детям не сладко. Они выросли, но остались иждивенцами, а родителей уже нет. Но я о другом. Выбор правильного пути процесс длительный и зависит не только от родителей. Здесь очень влияют факторы окружения, так сказать, внешние факторы. Вот, к примеру, создан образ героя, и вся молодежь, каждый стремится быть на него похожим, как, например, на Чкалова. Сколько сотен тысяч молодых людей пошли в авиацию благодаря ореолу славы этого заслуженного человека? Верно? Верно! Также можно создать образ героя и из убийцы, и тогда тысячи юношей будут копировать его поведение и поступки, полагая, что вершат добро. Искренне считая, что это их предназначение и их истинный путь. Нечто подобное и произошло в двадцатых годах в

Германии. Фашизм вскормлен именно так, и теперь нам приходится платить своими жизнями для того, чтобы их остановить.

Мне много приходится работать с больными людьми, поверьте, причина многих их недугов и болезней лежит глубоко, если упростить, то как раз в неправильно избранном в юности пути. Душа, сопротивляясь, кричит об этом своему телу, причиняя ему боль и страдания. Однако ее крик, как правило, никто не воспринимает. Все жаждут услышать от меня диагноз болезни, которая их мучает и от которой необходимо излечиться тем или иным способом, не понимая, что причина в том, как именно они живут. Никакие лекарства не помогут, никакие врачи, если не устранена главная причина болезни. А она сокрыта от глаз, то, что мы видим, – уже следствие.

– Вы хотите сказать, что и в этом конкретном случае есть главная причина, которая вызвала болезнь.

– Вы догадливы, молодой человек! – иронично улыбаясь, сказал доктор.

– Так что же вы собираетесь делать, ему же хуже с каждым днем!

– Если я не знаю, что это за болезнь, как я могу облегчить его положение? Я уже не говорю о лечении и о выздоровлении вашего товарища.

Вангол видел и понимал, что доктор говорит ему правду.

– Что же делать, доктор?

После некоторого молчания, нескольких минут хождения по периметру небольшого кабинета доктор сел и тихо заговорил:

– Мой совет покажется странным, но вам лучше забрать вашего друга из госпиталя.

– Как, совсем нет надежды? – вырвалось у Вангола.

– Вы не дослушали меня, забрать отсюда и поместить в одном тихом и спокойном месте.

– Что это за место?

– Есть одно место, я надеюсь, для вас жизнь вашего друга важнее идеологических пред-
рассудков?

– Доктор, не сомневайтесь, я все сделаю так, как вы скажете. – Вангол внимательно посмотрел доктору в глаза. – Не волнуйтесь. Это останется навсегда нашей тайной.

– Я почему-то вам верю. Хорошо. Слушайте. Записывать ничего не нужно, прошу вас все запомнить.

Через неделю четверо мужчин в полувоенной форме постучали в дверь избушки на берегу небольшого лесного озера. Добирались в лесную глухомань четверо суток. Дорог в этом районе Архангельской губернии испокон веков не было, только конные тропы. Дверь была не заперта и открылась сама по себе, как бы приглашая войти. В светлице у окна сидел старец, именно старец, а не старик. Его благообразное лицо было спокойно, светло-серые, почти белые глаза смотрели на вошедших приветливо. Седая борода и волосы ниспадали на его плечи и грудь, скрывая расшитый узорами ворот льняной косоворотки.

– Входите, входите, добры люди, не робейте.

– Здравствуйте, отец, мы к вам с поклоном от Сергея Федорова...

– От Сергея? Нетто не забыл меня? Как он? Все потчует народец лекарствами?

– Так точно, потчует, – улыбнулся Вангол.

– Значит, все у него хорошо. Благостно. Спасибо за добрую весть. Так по какой нужде вы ко мне? А впрочем, уже сам вижу. Ты бы, богатырь, присел вон туда, на полати, а еще лучше – разоблачайся до белья и ложись. А вы помогите ему, там простыня чистая, плохо ему, вижу.

Степану помогли раздеться и уложили. Он молчал, молчал весь этот долгий путь. Старец подошел к нему и положил руку на голову. Макушев закрыл глаза, и его напряженное и измученное лицо расслабилось.

– Пусть поспит, а вы располагайтесь, покормлю вас вот лепешками, отваром смородиновым с травами напою, живо усталость сбросите, вам ведь в обрат надо идти.

– Спасибо, отец, не откажемся, а вот как...

– За товарища своего не беспокойтесь, поднимется он, силы в нем матушка-природа заложила на троих, а я помогу ему. Через тридцать три дня приходите за ним.

– Вы не хотите даже узнать, что с ним, я рассказать хотел...

– Только он сам знает, что с ним и почему, сам и расскажет мне, когда в том нужда будет. Достань-ка там, на печке, лепешки горячие еще, должно быть, для вас пек, угощайтесь.

– Как для нас? Мы ж не предупреждали о том, что... – удивленно спросил Владимир Осокин.

– Так не вы одни по лесу ходите... Ешьте, ешьте, вам силы нужны, много силы. Ворогов с земли Русской сбросить, в логово их звериное загнать и закрыть там на веки вечные.

– Как это закрыть там, нет, отец, мы фашистов изничтожить должны насовсем...

– Зло нельзя изничтожить совсем. Оно прорастает там, где люди забывают о доброте, оно как сорняк, как гниль появляется там, где нет заботливых рук человеческих. Поэтому оно неистребимо, но нужно сделать так, чтобы дорогу к нам оно не знало. Чтобы помнили враги наши всегда и знали – мы чтим завет святого князя Александра Ярославича: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет, на том стоит и стоять будет земля Русская».

Старец так проникновенно произнес эти слова, что у Вангола комок подкатил к горлу. Ему показалось, что перед ним действительно великий князь Александр Невский из глубины веков слова эти устами седого старца произнес.

– Спасибо, отец, мы поняли все.

– Вот и ладно, ешьте, пейте – и в дорогу, до ночи до ближайшей деревни доберетесь, там заночуйте у Прасковьи, ураган переждите.

– Какой ураган, отец?

– С сильным ветром и дождем, деревья валить будет, опасно в лесу, переждите, а к обеду он успокоится, тогда и идите дальше.

– Спасибо тебе, отец.

Степан плохо помнил дорогу в этот медвежий угол. Он ехал в забытьи и шел, когда нужно было идти, как в полусне. Его бросало в жар, тело наливалось свинцовой тяжестью, но он шел и шел, преодолевая слабость и боль, преодолевая самого себя, иногда уже желавшего просто лечь и умереть. Сейчас он очнулся и долго не мог понять, где он. Рубленые бревенчатые стены комнаты, маленькое окно за ситцевой занавеской и широкие плахи деревянного потолка ничего ему не объясняли. Он шевельнул рукой и попробовал сесть на полатах, но не смог, не хватило сил.

– Не время еще тебе вставать, – услышал Степан тихий голос. – Не время, когда скажу, тогда встанешь, а пока спи, богатырь, спи...

И Степан снова провалился в небытие.

Только через три дня старец позволил ему встать с полатей. Степан сделал несколько шагов, и его шатнуло. Опершись о стену рукой, он продолжил свое путешествие по комнате до двери и толкнул ее. Увидев старца, сидевшего у окна в горнице, Макушев остановился в дверном проеме, закрыв его своим телом полностью.

– Входи, Степан, входи, уже можно.

– Как вас зовут, отец? – спросил Макушев.

– Михаил.

– А по отчеству?

– А ты зови меня отец Михаил, и то ладно будет.

– Хорошо, отец Михаил, мне уже лучше. Я чувствую. Как вы меня лечили? Я не помню ничего.

– Ты спал, потому не помнишь. Вижу, лучше тебе, слава Богу. Но пока воротись на место и полежи чуток, сейчас настоя принесу, целебный настой, на семи травах, силу дает, хворобу снимает.

Макушев медленно вернулся на полати и лег.

– Какой сегодня день, отец Михаил?

– Четвертый, как ты здесь.

– Как четвертый?

– Так, четвертый.

– И что, я столько времени спал?

– Да.

– А как же вы меня лечили?

– Молился и прощения у тебя просил.

– Прощения? У меня? За что? Ничего не пойму, отец, вы же меня впервые видите. Какое прощение? И зачем?

– Ладно, много вопросов задаешь, потом тебе расскажу, а сейчас вот попей и поспи. Сон – самое лучшее лекарство на земле. Сон и молитва.

– Я не помню молитв.

– Ты спи, молиться я за тебя, сынок, буду, я помолюсь... – сквозь надвигающуюся дрему услышал Степан.

Так продолжалось несколько дней. Степан просыпался, старец кормил его, потом заставлял делать некоторые упражнения и снова укладывал спать. Макушев беспрекословно выполнял все требования отца Михаила, он чувствовал, что с каждым днем ему становится легче, проходит боль в голове и теле, нестерпимая ломота в костях. В нем появилось желание жить, которое было просто задавлено постоянной болью и слабостью. Всего за месяц его большое и сильное тело, как ему казалось, превратилось в сплошной комок боли. Постепенно, видя беспомощность врачей, он внутренне согласился с тем, что ему уже никто не поможет. Теперь все менялось. Слабость уходила, вытекала из него, освобождая место живительной силе.

Через две недели Степан был еще хоть и слаб, но стал помогать старцу по хозяйству. Отец Михаил был доволен. Теперь они долго беседовали по вечерам. Макушев рассказывал ему о том, как жил свою жизнь, как воевал в Гражданскую, как воевал с фашистами. Отцу Михаилу было интересно все, любые мелочи жизни Степана. Наверное, впервые Макушев испытал острую потребность открыться этому человеку, он рассказывал о себе все без утайки, как на исповеди, и от этого становилось легко и спокойно на душе. Ему пришлось пережить при этом чувство горечи и стыда за некоторые свои поступки, но он не увидел в глазах старца не то что осуждения, даже тени укора. Он видел только понимание. Старик как бы вторил ему своими глазами, окруженными лучиками морщин, внимательными и спокойными, проникающими своим чистым, светлым взглядом в самую душу: «Да, тогда ты поступил так, и тебе теперь неприятно это вспоминать и стыдно за содеянное, но ты был уверен, что поступаешь правильно, поэтому тебе не в чем себя винить. Сейчас ты, осмыслив свои поступки, понял, что был не прав, значит, в будущем ты уже не совершишь ничего подобного. В этом и есть ценность жизненного опыта: осмыслить, осознать прошлое и идти по жизни дальше, легко и спокойно, делами своими исправляя совершенные ранее ошибки. Делами и поступками, а не только мыслями о них. Многие, сожалея о содеянном в прошлом, винят себя всю оставшуюся жизнь и тем самым раньше времени загоняют себя в могилу. Этим ничего не поправишь. Ничего исправить в прошлом уже нельзя, но можно делами сегодняшними восполнить утраты прошлого. Причинил кому-то когда-то вред, нечаянно, по недомыслию или сгоряча, попроси у него прощения, пусть мысленно, искренне, от всего сердца, и помогай делами своими людям, что рядом с тобой живут. Рассосется, растворится в доброте твоей без следа обида у обиженного и камень с души твоей свалится, вздохнешь полной грудью легко и свободно и столько

возможностей обретишь, столько способностей душа твоя тебе подарит, что жизнь вдруг вновь живыми красками-то и заиграет...»

Так незаметно прошел месяц. Степан выздоровел. Мало того, он благодарил Бога за то, что тот послал ему болезнь, из-за которой он оказался здесь, у отца Михаила. Степан вылечил не только тело, у него выздоровела и обрела гармонию душа. А это было то, о чем он и не мечтал.

– Отец Михаил, вот вы сказали, что молитвой меня исцелили, не поверить не могу, потому как здоров как бык, никогда вам это не забуду. Благодарить буду сам и детям своим о вас расскажу. Но вы еще сказали, что будто прощения у меня просили, вот тут непонятно мне, обещали рассказать про это...

– Что ж, Степан, расскажу, только для этого нужно, чтобы ты понимал главное – все мы на земле незримо связаны между собой, абсолютно все люди, независимо от веры, языка и цвета кожи. И еще одно. Ничего в нашей жизни не происходит случайно, то есть все, что происходит в нашей жизни, есть следствие огромного числа порожденных нами, к сожалению не всегда осознанно, причин. Этими причинами могут быть действия, поступки, выражения чувств и мысли.

– Мысли? Мысли – это же только то, о чем я сам про себя, так сказать, думаю. Как то, о чем я мечтаю, может на что-то влиять, отец?

– Мы живем в мире божественных энергий и сами являемся этими энергиями, воплощенными в наши тела и души, понимаешь? Если частицу твоего волоса или кожи рассматривать с огромным увеличением, то мы увидим огромный мир живых организмов – клеток, которые, в свою очередь, состоят также из огромного мира еще более малых частиц, и в конце концов мы поймем, что мы сами и все вокруг состоит из разного рода энергий. Соединившись, эти энергии, во всем их многообразии, и создают наш безгранично разный мир. Эти энергии, невидимые для человеческих органов восприятия, божественной волей преобразуются в вещества материального, осязаемого нами мира. Мысли, о которых ты говоришь, тоже есть энергия, которую ты передаешь в окружающий мир. Как радиостанция передает музыку или сводки новостей. А поскольку ты ее передаешь, мир ее воспринимает и, естественно, реагирует на нее. Если она светлая и несет добро, мир отвечает добротой, если темная и несет зло, мир отвечает тем же. Что посеешь, то и пожнешь, это именно об этом, Степан, а не о полевых работах. Твои мысли становятся причиной для последующих событий, и от того, каковы они, зависит твое будущее. Любые наши мысли есть энергия, и она обладает определенным уровнем вибраций: чем чище и благоднее твои мысли и устремления, тем выше уровень вибраций. Тем радостнее и светлее становится твоя жизнь... Чем ниже уровень вибраций, тем темнее, а темнота – это неуверенность и страх...

– Да, темнота – это не просто страх, это ужас, – произнес Макушев, вспомнив ту ночь в долине. – И все-таки при чем здесь...

– Не спеши, подумай о том, что я тебе рассказал, осознай это, а я пока чай с мятой заварю. Мята, она от ста болезней защищает, лучший оберег в пути. Мало ли с кем встретиться путнику придется, никакая зараза к тебе не перейдет, ежели мешочек с мятой сухой на груди...

Макушев слушал старика и удивлялся тому, как легко и спокойно, даже как-то обыденно тот рассказывал о таких невероятных и одновременно простых и понятных вещах. Степан раньше даже и не слышал ничего подобного, а может быть, не хотел ни о чем таком думать.

«Что посеешь... Разве не слышал? Слышал, да не думал о том. А как теперь становилось ясно – иногда следовало задуматься. Ну что поделаешь, лучше поздно, чем никогда...»

– Так на чем мы остановились? На темноте; вот-вот, недаром в народе говорят – в темном омуте черти водятся. Темнотой еще безграмотность называют, тоже верно, поскольку от незнания законов Божьих много бед люди вершат, дел темных и непотребных. Делами такими, поступками они не только жизни других людей губят, но себя в первую очередь, душу свою

в темную бездну ввергают, откуда возврата может и не быть. Не ведают того, что творят, по слабоумию своему.

– Не думаю, что они слабоумными себя считают.

– Конечно, в них гордыня сидит великая. От той гордыни уверены они в том, что в этом мире все уже познали и только истину глаголят уста их. В великом заблуждении находятся их души, в великом. В том заблуждении и уходят они в мир иной, где ответ за содеянное держать приходится.

– Перед Богом?

– И перед Богом, но прежде перед Родом своим. Предстанет личность усопшая перед предками своими и зачтут ей то, что заслуживает она делами своими земными, ничто не останется без внимания. Все поступки и мысли оценены будут. Вот тогда осознание приходит, но времени уже нет. Оно уже истекло безвозвратно, забрав жизнь земную, материальную, в которой только и можно было все поправить...

Но мы отвлеклись. Ты спрашивал, почему я у тебя прощения просил? Потому что когда-то, в прошлых жизнях – воплощениях, я, вероятно, причинил тебе, твоей душе какой-то вред, что и привело в конечном счете к твоей болезни. Может быть, это был поступок, повлиявший на выбор твоей души в этом воплощении. Иначе тебя бы не привели именно ко мне для избавления от этой хвори.

– Прости, отец, но я не понимаю того, о чем ты говоришь.

– А ты просто поверь, поймешь потом, когда будешь на это способен. Не обижайся, так мы все устроены. Не все и не всегда способны постигать знания, которые перед нами, как открытая книга, лежат. Но приходит время, и мы прозреваем и видим. Но к сожалению, не все и не всегда...

– Да, отец, ясно, я буду стараться понять все это.

– Хорошо, а сейчас спать, засиделись мы с тобой, глянь, уже за полночь...

– Хороший чай, спасибо, спокойной ночи, отец.

– И тебе приятных снов. Отдыхай, завтра за тобой придут, и мы расстанемся.

– Завтра?

– Да. Срок истек, ты здоров, твои друзья ждут тебя. Ты им нужен.

– Как быстро пролетело время...

– Да, Степан, время неумолимо, Господь создал его для того, чтобы мы понимали, что этот мир всего лишь средство, предоставленное нам временно для того, чтобы мы очистили свои души от скверны и грехов прошлых жизней. Он дает нам этот мир через наше чело и время – век, сто лет каждой душе. Потому ты человек зовешься. Как только ты родился, как только вдохнул своей грудью воздух земной, пошли с этого мига твои земные часы, и ничем их не ускорить, не замедлить, даже остановить ты их сам, по своей воле, не можешь. Убил себя человек, грех тяжкий свершив, а часы его идут, время его не остановлено; пока не завершено – идет оно, а душа его тяжко маяться на этом свете будет. К Богу-то вернуться не может – срок жизни отпущенной не истек. А придет время, вернется, но за грех тяжкий понесет кару в новой жизни. Коль не оценил дар Божий, жизнь светлую, майся в корчах, бейся в судорогах. Много таких калек по земле с детских лет в страданиях. Матери слезы льют, за что их дитя наказано, не поймут, себя винят и виной той себя изводят, глупые. А то не их дитя наказано, душа греховная в их ребенке урок любви к жизни проходит. Потому говорят – время все лечит. Так оно и есть... Все, спать, завтра рано подниму, до рассвета. Молиться со мной будешь.

– Хорошо, отец.

Степан лег и еще некоторое время не спал. Он действительно был здоров, но уезжать не хотелось. Будто находился возле чистого источника, из которого так хотелось пить и пить живительную, целебную воду, вбирая в себя силу и энергию. Но он понимал, что время его лечения истекло, и он просто благодарил Бога за то, что ему довелось здесь быть.

– Вставай!

Степан услышал голос старца и открыл глаза. За окном чуть брезжил рассвет. Степан легко встал с полатей, он не заметил, как пролетела ночь, и вышел на воздух. Старец ждал его на берегу озера. Туман висел над водой белым призрачным покрывалом. Озеро было небольшим, и величественные ели, стоящие на том берегу, как бы парили в воздухе, скрывая острые макушки в предрассветной дымке. Там, на востоке, где вот-вот должно было взойти солнце, виднелось только светлое марево, которое постепенно заполняло небо. Оно струилось, вырисовывая из темноты просыпающийся мир, замерший от торжественности и святости этих минут. Казалось, ни одна травинка, ни одна веточка не шелохнулась, даже птицы умолкли в мгновение, когда первый луч солнца прорезал туман и коснулся глади озера.

Степан стоял очарованный красотой и свежестью этих мгновений.

– Повторяй за мной, – услышал он тихий голос отца Михаила. – Здравствуй, Солнце ясное, жизнь рождающее, свет великой любви на землю проливающее! Я принимаю тебя с любовью в своем сердце!

Старец замолчал, протянув к солнцу свои ладони.

– Я благодарю тебя за щедрость и чистоту наполняющей меня энергии! Прими с поклоном мою любовь!

Здравствуйте! Здравствуйте, Боги родные, предки наши славные! Я приветствую вас с любовью в своем сердце и благодарю вас за жизнь, дарованную мне и моим детям. Я всей душой прошу у вас прощения за то, что вольно или невольно мог причинить вам вред. Простите меня, я искренне раскаиваюсь. Примите от меня с поклоном любовь и уважение.

Старец в пояс поклонился восходящему солнцу.

– Здравствуйте! Здравствуйте, души светлые, живущие на земле-матушке! Я приветствую вас с любовью в своем сердце и благодарю за хлеб и соль на моем столе и за все, что вы даете мне в моей жизни. Я признателен вам за это и с благостью в сердце принимаю ваши дары. Благодарю вас.

Я всей душой прошу у вас прощения за то, что вольно или невольно мог причинить вам вред в этой жизни или в моих предыдущих воплощениях. Простите меня, я раскаиваюсь. Я искренне прощаю всех, кто вольно или невольно причинил мне вред в этой жизни и во всех предыдущих воплощениях. Примите от меня с поклоном любовь и уважение и то, чем я могу одарить вас, – плоды моего труда. Благодарю вас.

Здравствуйте, все сущности, живущие в необъятной Вселенной! Я принимаю вас с любовью в своем сердце и благодарю за доброту и понимание, с которым вы относитесь к нам, людям земли. Простите нам, если мы вольно или невольно причинили вам вред. Мы искренне раскаиваемся в этом. Простите нас. Примите от меня с поклоном любовь и уважение.

Старик поклонился солнцу и пошел к воде. Он входил в нее медленно, без всплесков, не создавая ни малейшего волнения на зеркальной глади, как будто вливался в это огромное, сверкающее в лучах восходящего светила зеркало. Степан, повторявший все за старцем, последовал за ним. Он коснулся воды ногой. Стиснул зубы, вошел в нее. Ледяной холод мгновенно проник в тело, обжигая всего Макушева изнутри. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы продолжить эту процедуру; как и старец, он медленно шел по песчаному дну, погружаясь, пока вода не достигла груди. Он не обратил на это внимания, но в этот момент он стоял рядом со старцем.

– Не закрывай глаза в воде, смотри, – произнес старец.

Макушев увидел, как старец опускается с головой под воду. Он тоже, машинально зажмурившись, окунулся с головой и уже там, вспомнив слова старца, открыл глаза. Ледяной обруч, на мгновение до ломоты в костях стиснувший его голову, вдруг исчез. Золотое, искрящееся сияние наполняло все пространство перед его глазами. Степан чуть не хлебнул воды от неожиданного восторга, охватившего его, и только желание вдохнуть воздух заставило его

выйти головой на поверхность. Он увидел мокрое улыбающееся лицо старца перед собой, хотел высказать свою благодарность, но услышал:

– Все, теперь на берег, быстро...

Они долго сидели на берегу у костра, обсыхая и разговаривая. У Макушева было много, очень много вопросов, он впервые в жизни почувствовал в себе огромное стремление к знаниям. Он впервые задумался и понял, что вся его предыдущая жизнь была только началом пути, который он вдруг увидел теперь.

– Кому мы молились?

– Нашим родным Богам, нашим далеким предкам, души которых связаны с нами неразрывными узами родства.

– Мы потомки Богов?

– Да, мы потомки Богов. В незапамятные времена наши предки пришли на землю и вместе с другими народами заселили ее.

– Я слышал, что люди от обезьян произошли...

– Кто-то считает, что булки на деревьях растут, – улыбнулся старец. – Невежество породило много различных теорий и домыслов. Человек – есть Божественное создание, наши предки – Боги, пришедшие на Землю. А земля существовала без человека многие миллионы лет со своими бесчисленными обитателями, в том числе и множеством видов обезьян.

– Откуда они пришли?

– Они прилетели с другой солнечной системы, с другой, очень похожей на нашу Землю планеты на огромных кораблях – виманах. Они обладали огромными способностями и неограниченными практически ничем возможными. То, что сейчас в легендах называют чудесами и волшебством, тогда было повседневными, обыденными делами наших предков. Сейчас это все утрачено и забыто. Почти забыто...

– Почему же люди утратили эти способности?

– Потому что сначала, постепенно, они утратили свои способности к обучению. Это произошло по причинам от них не зависящим. Была нарушена связь между Создателем и людьми, люди перестали слышать Бога, наша планета вместе с Галактикой слишком далеко ушла от центра вселенского разума. Представь себе этакий источник энергии и знаний, передающий их на большое расстояние. Мы, люди, имеем мозг, который является приемником этих энергий, но когда сигнал стал слабеть, до людей он перестал доходить. Наш мозг, то есть биоприемник определенной мощности, не был к этому готов и постепенно утратил это свойство. В те времена в письменности не было необходимости, потому ее просто не существовало. Потеряв способность получать знания и не имея опыта развиваться другими способами, люди в течение некоторого времени просто одичали. По мере одичания возобладали животные инстинкты и потребности, наступили времена тьмы и хаоса. Человечество постепенно и неизбежно деградировало, и тогда Боги, чтобы сохранить его, стали посылать на землю своих посланников, их было много, не все остались в памяти – Будду, Христа, Магомета люди запомнили, создали впоследствии религии. Главное же в том, что там, где они появились, – люди, получив знания истины, остановили гибельный для себя образ жизни. Потом медленно начали постигать знания теми способами, что мы используем сейчас. Передавать накопленный опыт письменно.

– А как же они, наши далекие предки, передавали свои знания, если не было книг?

– Они знания получали по мере взросления так же естественно, как ты сейчас слышишь пение птиц. Люди легко передавали знания соплеменникам, обогащая их из поколения в поколение своим опытом. Вот, а потом «птицы» оказались так далеко, что их голоса уже не были слышны. А люди утратили способность передачи мысли. Человек остался без знаний и способов их передачи, наедине с планетой, живущей по своим законам. Законам земного животного мира, тем законам, которые царили на Земле еще до прихода на нее наших предков. Естественно, трагедия была неминуема, и она произошла. То, чего достигла цивилизация, было

стерто с лица земли. Причем это сделано было руками обезумевших людей. Сначала оружием страшной силы, доставшимся от мудрых предков. Потом все, что смогла, довершила природа. Но много чего осталось на земле от предков великих наших, те места силы и исполинские сооружения на земле, а еще больше под землей и водой сокрытые, в неведомые миры уходящие.

– Это где же, отец, такие сооружения подземные?

– А здесь, недалече, на Кольском полуострове к примеру. А и на Новой Земле есть, и в горах Уральских тоже, только недоступны они нам. Не успели еще те времена, когда человеку они свои тайны раскроют. Недостойн еще нынешний человек таких знаний, ты же видишь, что вокруг творится. Чем нынешние люди от диких предков отличаются, чем? Тем, что одеты не так? Тем, что придумали, как жизнь себе облегчить, а других заставить работать на себя? А если что не так, убивают друг друга без жалости. Ничего пока не изменилось, еще почти век должен пройти, чтобы люди просыпаться стали. Из мрака к свету пошли. Многим и сейчас этого хочется, а не могут. Так устроен наш мир, не все от нас зависит... Зато в самоочищении умный человек преуспеть может.

– Это что значит, поясните, отец.

– Нужно просто научиться жить в чистоте, не только тела, что само собой должно быть, но и помыслов.

– Но как научиться-то?

– А так, думать надо, размышлять, прежде чем что сотворить решил. Кому от этого польза будет. Ежели от дела твоего никому пользы не будет, то бесполезное оно и совершать его не следует. Зачем? Ежели только тебе польза, посмотри, не причинишь ли кому тем вреда. Если вред тот есть или возможен, откажись от дела того. Малое зло, тобой совершенное по отношению к другим людям, тебе же и вернется или детям твоим аукнется в их жизни. Потому береги себя от необдуманных поступков. Люди иной раз невольно зло творят, не понимая значения мыслей своих и слов.

– Даже мыслей?

– Особенно мыслей. С них все начинается. Мысли наши создают этот мир во всех его проявлениях...

Старец замолчал, недосказав, поднял голову, прислушиваясь. Степан тоже прислушался, но ничего, кроме пения птиц да шума ветра в молодой листве, не услышал.

– Идут за тобой, однако... Скоро будут. Пошли, надо гостей накормить с дальней дороги.

Через полчаса к избушке действительно вышли два Владимира, Осокин и Арефьев.

– Ты гляди, и впрямь здоров как бык! – вырвавшись из объятий Макушева, удовлетворенно отметил Арефьев и, улыбаясь, продолжил: – Забираем, а то, если что, приказано до полного выздоровления здесь оставить.

– Все в порядке, здоров я, проходите, хлопцы, с отцом Михаилом поздоровайтесь и за стол, кормить вас будем. Ждали вас.

– Смотри-ка, каша, радость наша, только из печи, горячая, и впрямь вовремя мы пришли.

– Вовремя, вовремя, – улыбался Макушев. – Давайте уплетайте, такой кашей вас никто не накормит.

Отец Михаил довольно улыбался, глядя, как живо уплетают его варево эти молодые парни. Он смотрел на них, веселых и открытых, простых и чистых, и радовался. Не пропадет земля Русская, пока такой народ на ней нарождается, не пропадет. Только бы век еще простоять Руси, а там проснется...

Весь оставшийся день пилили и кололи дрова, даже подлатали крыльцо. Вечером, пораньше, все легли спать, рано в путь собрались, с восходом.

Проводил их отец Михаил и сам собрался, сходить ему надо было недалече, верст пятьсот с гаком, в отроги гор Северного Урала, травы там нужные скоро зацветут, собрать надо бы да родову навестить...

– Вот видишь, дорогая, как-никак, а мы в Москве, и перед нами открыты все архивы. Разве можно было об этом мечтать еще месяц назад?!

– Месяц назад я мечтала скорее умереть...

– Ну что ты, что ты, наши испытания окончились, все хорошо.

Профессор Пучинский обнял Нину и, успокаивая, осторожно гладил ладонью по вздрагивающей спине. Так они стояли перед большим окном, выходящим в парковую зону одного из старых районов Москвы. Этот дом был их жильем и рабочим местом одновременно. Несколько комнат на первом этаже занимала какая-то секретная организация и охрана. Второй этаж был отдан только им. Здесь располагались библиотека и кабинет для работы, а также их квартира, состоящая из небольшой кухни и большой комнаты, в которой они поставили ширму, разделив ее на уютную гостиную и спальню. Вот только гостей у них быть не могло. Пучинский и его жена вошли в состав совершенно секретной группы «Северный ветер» и общаться могли только со своим непосредственным начальником, и ни с кем больше. Таковы были правила и условия их работы. Учитывая степень их допуска к совершенно секретным архивам в условиях войны, это было оправданно.

Когда Пучинскому объяснили суть его будущих исследований, он сначала просто не поверил своим ушам. То, о чем рассказал Вангол, было настолько неправдоподобно, что если бы он его хорошо не знал, то, наверное, даже обиделся. Как можно ему, ученому, всерьез говорить о вещах, более похожих на бред. Событиях фантастических, не имеющих даже малейшего шанса на реальность. Но, увы, об этом ему говорил Вангол. Об этом ему говорил человек феноменальных способностей, усомниться в котором он не мог. И он поверил, так же как и Мыскова. Если признаться честно, то и выбора у них не было. Вангол вытащил их из смертельных объятий госбезопасности, и Пучинский понимал, как это было сложно сделать. А значит, то, о чем рассказывал Вангол, очень серьезно и очень важно. Раз так, он сделает все возможное, чтобы помочь Ванголу разгадать те загадки, которые оставил ему спасенный им немецкий ученый. Получив доступ к архивам, Пучинский настолько увлекся исследованиями, что вскоре последние его сомнения исчезли. Он постепенно погружался в информацию, не всегда объяснимую научно, но имеющую реальные доказательства своего существования. Его способность к анализу, академические знания в широком спектре наук скоро стали приносить результаты. То, что оставалось незамеченным самими авторами тех материалов, изучением которых занимался профессор, постепенно складывалось в определенные формы, весьма логичные и последовательные. Особенно были интересны записки членов экспедиции Александра Васильевича Варченко на Кольский полуостров, в район Сейдозера. Небольшая группа под руководством ученого прошла по намеченному им маршруту. По непроверенным данным, задачей экспедиции были поиски входа в Шамбалу, загадочный подземный мир. Вероятно, Варченко обладал какой-то информацией, поскольку вел поиск именно здесь. Удача улыбнулась искателям сразу. Они обнаружили широкую, мощенную камнем дорогу в местах абсолютно диких и необжитых. Она привела их к возвышению, напоминающему древний алтарь-жертвенник. Вдали на скалах они увидели исполинское изображение человека. Проводники-лопары называли его Стариком и дальше идти наотрез отказались. Именно там, согласно легендам лопарей, народности, ныне живущей в тех местах, ушел жить под землю целый народ – чудь. Там, в береговых скалах, был обнаружен вход в таинственную пещеру. Но она осталась группой Варченко необследованной, помешали разные обстоятельства, в том числе и категорический отказ лопарей-проводников сопровождать их. Сам отчет об экспедиции Пучинский найти не мог. Или его вообще не существовало, что странно, или он хранился в тех хранилищах, доступ к которым был для профессора закрыт. Пучинский сделал запрос начальству относительно самого ученого Варченко и получил короткий ответ – расстрелян как враг народа. Искать участников той экспедиции профессор не стал из боязни им навредить. То, что древний народ чудь, согласно легенде, ушел жить под землю, и обнаруженный экспедицией таинственный вход в пещеру в скалах на высоте

двухсот сажен – могли быть звеньями одной цепи. Искомой им цепи. Других интересных сведений о неисследованных пещерах Пучинский не обнаружил, разве только пещера в Южной Сибири под названием Хос-Хулах, что в переводе с хакасского означает «Два уха». Вход в нее охраняется неведомыми силами, никто не может подойти к ней более чем на несколько шагов. В страхе и ужасе покидают ее самые смелые охотники. Многие болезни преследуют тех, кто пытался проникнуть в ее глубины. Оттого шаманами на нее наложен запрет, и местные жители не рискуют к ней приближаться.

Вангол, услышав об этой пещере, улыбнулся.

– Знакомая картина... это не совсем то, а вот пещера в скалах у Сейдозера – это очень интересно, очень. Постарайтесь поднять все, что известно об этих местах. Легенды, предания, исторические справки, все необычное, все, что можно. Не зря Варченко пошел именно туда, значит, он получил откуда-то информацию.

– Мы постараемся выяснить все, что можно, о его окружении, родственниках, связях в научном мире. Может быть, не всех поставили к стенке... – сказал Ванголу Красков, выслушав его доклад. – Я помню этого человека, хотя лично с ним знаком не был. Так случилось, когда забрали Бокия... Впрочем, это к делу не относится.

Вангол после возвращения из долины смерти помогал Осокину и Арефьеву овладевать тонкостями немецкого языка, и вскоре, пока Макушев находился у старца Михаила, им пришлось сдать первый экзамен. Была утверждена разработанная Красковым операция внедрения Ольги в «Аненербе».

Телефонограмму с приказом о командировке в Берлин штурмбаннфюреру СС Паулю Штольцу фельдгегерь привез поздно вечером. Утром, пока брился и пил кофе, он размышлял, с чем это связано. Дела у него шли довольно хорошо, по плану. Без серьезных проблем и срывов. Срочность вызова ничем не объяснялась. Еще вчера днем он по телефону разговаривал с начальством в столице и о его срочном приезде не было и речи. Что-то изменилось. Неужели произошла утечка относительно той русской?! Он вспомнил улыбку Бормана после совещания. Рука с опасной бритвой дрогнула, слегка порезав кожу шеи.

«Может, провести вот здесь, и все?..» – мелькнула мысль в его голове. Он положил бритву на столик и, смочив одеколоном салфетку, аккуратно приложил ее к небольшой ранке. При этом лицо его передернуло гримаса боли. «Нет!» – отменил он трусливую мысль. Если потребуется, он ответит перед фюрером как офицер и настоящий мужчина.

Тщательно оглядев свое лицо, отраженное в старинном зеркале, он удовлетворенно улыбнулся и отправился в столовую комнату, где его ждал завтрак. К полудню Штольц уже подъезжал к Кёнигсбергу, откуда должен был вылететь самолетом в Берлин. Перед въездом в город машину остановил комендантский патруль. Доброжелательно улыбнувшись, старший офицер патруля попросил предъявить документы. Другой офицер жезлом указал на переднее колесо и кивнул водителю:

– Выйди посмотри, у тебя колесо не в порядке.

Водитель поспешил осмотреть колесо, склонился над ним. В этот момент старший офицер, приблизившись к окну машины, обратился к Штольцу, спросив о цели поездки. Пауль Штольц не увидел, как короткий удар ребром ладони уложил его шофера и телохранителя на землю. Мгновенным движением выхватив пистолет, офицер, направив его в лоб Штольцу, с той же искренней улыбкой попросил его, не сопротивляясь, сдать оружие и, обойдя машину, сел рядом. Водителя, без сознания и в наручниках, посадили сзади.

Штольц не успел ничего понять, как автомобиль тронулся и, свернув вправо на проселок, подпрыгивая на ухабах, помчался в неизвестном ему направлении. Через полтора часа остановился около небольшого кирпичного дома на берегу канала, скрытого огромными вязами, высаженными, наверно, лет сто назад плотной стеной.

– Прошу вас следовать за мной. Не делайте глупостей, если хотите жить.

Штольц вдруг ясно осознал, что жить он действительно очень хотел, поэтому молча кивнул и вышел из машины. В доме в комнате с окнами, наглухо закрытыми шторами, у ярко горевшего камина в кресле сидела женщина.

Она повернулась к вошедшим:

– Здравствуйте, Пауль.

Штольц от неожиданности потерял способность говорить. Он остановился как вкопанный и смотрел на Ольгу, будто увидел чудо. Старший офицер «патруля» прервал красноречивую паузу:

– Присаживайтесь, господин штурмбаннфюрер, у нас будет короткий, но содержательный разговор. Как вы понимаете, из этого дома вы либо выйдете агентом советской контрразведки, или не выйдете вообще. Таковы законы войны, которую ваш фюрер навязал всему человечеству.

Штольц наконец пришел в себя. Он снял с себя зимний, подбитый мехом кожаный плащ и устроился в кресле напротив Ольги.

– Что я должен буду делать?

– Нас интересует все, что касается деятельности находящегося под эгидой СС общества «Аненербе», во всех доступных вам сферах. Характер вашей непосредственной деятельности в этом обществе в мельчайших подробностях. Естественно, мы обеспечим вам полную безопасность – как сейчас, так и после полного разгрома Германии.

– Вы всерьез считаете, что Германия будет разгромлена?

– Безусловно, мы даже знаем, когда это произойдет, но эта информация не так важна. Важно другое: немецкий народ осознает всю глубину своего заблуждения и будет строить новую Германию, без нацизма и насилия. Вот тогда те, кто помогал уничтожению фашизма с чистой совестью и незапятнанной честью, займут в ней достойное место. Мы предлагаем вам, как умному и благородному человеку, остановиться на неверном пути и помочь своей родине вернуться к истинным ценностям, помятым и растоптанным нынешним режимом.

– Вот так просто стать вашим шпионом, и все?

– У вас есть выбор, мы можем вас расстрелять как врага, как ограниченного фанатика, искренне поверившего в то, что, например, ваш Генрих Гейне или Зигмунд Фрейд – враги вашей нации. Насколько нам известно, вы не уничтожили их книги, они бережно хранятся в вашей личной библиотеке, не так ли? «Книга песен» 1827 года издания, подлинник. Запрещенные произведения Стефана Цвейга, Августа Бебеля и других знаменитых, признанных всем миром, но почему-то отвергнутых национал-социализмом авторов?

– Все верно, я не посчитал себя вправе распорядиться книгами, собранными моим дедом. Это так. Но это ничего не значит...

– Неужели? Мы не призываем вас сменить религию и поверить в коммунистическое будущее мира, но мы даем вам возможность послужить вашей родине так, как служили ей несколько поколений ваших предков. Кстати, вы, наверное, знаете, что ваш прадед был долгое время на военной службе в России и с почетом вышел в отставку. По нашему мнению, он бы одобрил ваше решение еще раз послужить России в такой ситуации, когда на вашей родине правит закон, противоречащий заповедям Христа. Он был, как и вы, католик, и это не мешало ему быть российским офицером и сражаться за Россию.

Штольц сидел, задумавшись, в его душе боролись два чувства. Первое – это чувство уязвленной гордости. Он оказался в плену. Он захвачен в глубоком тылу, в центре Восточной Пруссии, и бессилен что-либо изменить. Пытаться применить оружие, а в правом потайном кармане его кителя до сих пор лежал миниатюрный вальтер, было бессмысленно. Трое русских не сводили с него глаз. Умереть он может и просто сказав им «нет».

Штольц поднял глаза. Напротив, в кресле, сидела женщина необыкновенной красоты, в которую он был влюблен, несмотря на то что она предала его, несмотря на то что она была врагом его народа, его нации.

Штольц побледнел, скулы его сжались, казалось, он теряет самообладание.

А так ли это на самом деле? Она вернулась сюда, она рядом, он отказывался верить в очевидное. Это просто не укладывалось в его голове. Она пошла на такой риск, но ради чего? Только ради того, чтобы сделать его русским шпионом? Для этого она могла и не быть здесь. Она смотрит на него, и в ее взгляде можно прочесть все, кроме враждебности. Она умна и прекрасна. Она нужна ему. Она должна быть рядом. Боже, что делать?!

Он обхватил голову руками и откинулся на спинку кресла.

Да, его прадед служил России, но она тогда была царской державой, а теперь... Но и Пруссия тогда была другой, и вообще, все было тогда другим... Все, кроме веры, да, все изменилось, кроме веры в Бога, однако нынешняя власть, фюрер действительно поставил свои законы выше Божественных заповедей. Это так, этого нельзя отрицать. Как бы поступил его прадед?! Он бы последовал Божественным законам, несомненно. А раз так, то он вправе последовать его примеру. Коль так происходит, что заповеди Христа на стороне России, он будет ей служить! И не из страха смерти, а потому, что не видит в этом предательства своей родины. Его родина, страна его предков – страна высокой культуры и искусства. Та Германия, в которой он сейчас живет и которой служит, мало чем напоминает его настоящую родину.

– Сколько у меня есть времени для принятия решения?

– Времени у вас нет, через два с небольшим часа самолет на Берлин, эти два часа займет дорога. Или вы летите в Берлин нашим человеком, или... вы не летите никуда.

– Не подумайте, что я трус и боюсь смерти. Нет. Считайте, что вы убедили меня в целесообразности работы на вас. Я, наверное, должен дать вам какую-то расписку, которой вы будете меня в дальнейшем шантажировать?

– Мы не будем брать с вас расписку, вы слишком ценны для будущей Германии, и вами нельзя рисковать.

– У меня есть одно условие.

– Какое?

– Мой водитель должен остаться живым. Я не знаю, как вы это сделаете, но я не хочу быть причиной смерти этого человека.

Один из офицеров, улыбнувшись, кивнул в знак согласия.

– Если вы хотите, чтобы он остался жив, вычеркните из своей памяти то, как вы здесь оказались, и никогда не вспоминайте при нем об этом. А водитель уже пришел в себя, он уверен, что его «хватил удар», когда он резко наклонился к колесу. Ему оказана медицинская помощь, и он готов сесть за руль вашего автомобиля.

– Даже так? – удивленно переспросил Штольц.

– Именно так, господин штурмбаннфюрер. После возвращения из Берлина переведите его на более спокойную службу. Ольга проводит вас до самолета и вернется в ваш дом в Тильзите, если вы не против. Она будет вашим связным с нами. Ее отсутствие – поездка к родственникам – несколько затянулась в связи с их болезнью и необходимостью ухода за ними. Так что летите спокойно, нам важна любая информация по программам общества «Аненербе».

– Еще один вопрос, позвольте?

– Да, конечно.

– Как вы узнали, что я еду сегодня в Кёнигсберг и через два часа лечу в Берлин?

– С некоторых пор, господин штурмбаннфюрер, мы знаем о вас практически все, например то, что в вашем потайном кармане лежит пистолет системы «Вальтер»... – ответил ему с улыбкой один из офицеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.